

маршбанив

СТЕФАНИ ЛОУРЕНС

*Сколько стоит
любовь?*

Кинстеры

Стефани Лоуренс

СКОЛЬКО СТОИТ ЛЮБОВЬ?

«Издательство АСТ»

2006

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

Лоуренс С.

Сколько стоит любовь? / С. Лоуренс — «Издательство АСТ»,
2006 — (Кинстеры)

ISBN 978-5-17-122678-7

Диллон Кэкстон устал от незамужних светских девиц и их энергичных мамаш... Леди Присцилла Деллоуэй вообще не имеет желания выходить замуж и отвергает всех своих многочисленных поклонников, ибо считает, что счастлива может быть лишь свободная женщина... Что может объединить этих людей? Охота за таинственным преступником? Любовь к опасности и увлекательным приключениям? Или неподвластная рассудку страсть, которую они не в силах преодолеть?

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-122678-7

© Лоуренс С., 2006
© Издательство АСТ, 2006

Содержание

Пролог	5
Глава 1	10
Глава 2	19
Глава 3	27
Глава 4	34
Глава 5	41
Глава 6	48
Глава 7	56
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Стефани Лоуренс

СКОЛЬКО СТОИТ ЛЮБОВЬ?

Пролог

Август 1831 года

Баллиранна, графство Килкенни, Ирландия

– Я ищу Пэдди О’Лохлина.

Приблизившись к стойке бара в «Трубе и барабане», леди Присцилла смело встретила ошеломленный взгляд владельца кабачка и запоздало пожалела, что не позаботилась изменить свой выговор. Но тут глаза Миллера блеснули, и она поняла, что в этом не было смысла: ее явно узнали. Правда, она надела старую поношенную амазонку и широкополую шляпу, но скрыть лицо не удалось: вряд ли вуаль поможет завоевать доверие Пэдди О’Лохлина.

Миллер, грузный мужчина с круглой лысой головой, продолжал изучать ее с таким видом, словно она представляла серьезную угрозу. Украдкой вздохнув, она уверенно облокотилась на стойку.

– Все в порядке: я просто хотела поговорить с ним.

Присцилла смягчила и без того мягкий провинциальный акцент, но Миллер и глазом не моргнул, поэтому она добавила в голос убедительности.

– Понимаете, мой брат теперь занимает место, с которого недавно уволился Пэдди. Вот я и хотела послушать, что он скажет насчет работы и хозяев.

Больше ему ничего не удастся узнать. Она хотела получить заверения в благополучии Раса, но не собиралась ворошить на людях грязное белье Деллоуэя, тем более что Миллер наверняка такой же сплетник, как и все его приятели.

Миллер нахмурился и огляделся.

Было только два часа. Чуть подальше, за стойкой, сидели трое рабочих и несколько завсегдатаев. Они украдкой посматривали на благородную мисс, незнамо как очутившуюся в их логове.

Маленькие окна с толстыми волнистыми стеклами почти не пропускали света; в темном помещении преобладали коричневые и зеленые тона. Убогая обшарпанная комната производила угнетающее впечатление, внимание привлекал только блеск стаканов и бутылок на стене за стойкой.

Миллер огляделся, отставил стакан, который вытирал, подступил ближе и понизил голос:

– Хотите сказать, молодой лорд Рассел ни с того ни с сего вот так взял и занял место Пэдди?

Прис всеми силами старалась не зашипеть, как змея.

– Да. Я думала, может, Пэдди сумеет рассказать о конюшнях лорда Кромарти, – объяснила она, пожав плечами, словно для графского сынка вполне естественно стать младшим конюхом, а для его сестры – мчаться два часа, не разбирая дороги, в это низкопробное заведение, чтобы справиться у предшественника об условиях бывшей работы. – Обычное любопытство, не более того.

И еще беспокойство. С чего это вдруг человек, подобный Пэдди О’Лохлину, ни с того ни с сего оставляет столь завидную должность? Он был местной легендой во всем, что касалось лошадей. Более того, помогал тренировать будущих прославленных победителей скачек по всей стране. Прис не была с ним знакома, но знала, что он живет неподалеку от той деревушки, где лучше всего и справиться о нем.

Миллер продолжал пристально изучать ее. Наконец, кивком показав на крупного мужчину в одежде рабочего, сидевшего в самом темном углу за пинтой пива, он нехотя выдавил:

– Вам лучше спросить Шеймуса О’Малли. Он и Пэдди были лучшими друзьями.

Были?

Прис вопросительно вскинула брови.

Миллер величественно кивнул.

– Если кто и может вам помочь, так это Шеймус, – подтвердил он и, отступив, добавил: – Окажись мой братец в старых башмаках Пэдди, я тоже стал бы расспрашивать.

Беспокойство переросло в тревогу. Прис выпрямилась.

– Благодарю вас.

Повернувшись, она присмотрелась к Шеймусу О’Малли. Она ничего о нем не знала.

Отойдя от стойки, Прис пересекла комнату.

О’Малли сгорбился за столом, перекатывая кружку в заглубевших ладонях. Девушка остановилась и подождала, пока он поднимет глаза. Шеймус тупо моргнул, явно узнав ее, но не понимая, почему она здесь.

– Я ищу Пэдди О’Лохлина. Миллер посоветовал обратиться к вам, – тихо заметила она.

– Он так сказал?

Шеймус заерзал и взглянул на кабатчика.

Прис не стала оборачиваться. Когда Шеймус, очевидно, удовлетворенный кивком Миллера, нерешительно глянул на нее, она выдвинула стул и уселась.

– Миллер сказал, вы хорошо знали Пэдди.

– И что? – насторожился Шеймус.

– Где он?

Шеймус снова моргнул и уставился в почти полную кружку.

– Не знаю, – обронил он и, прежде чем Прис попыталась его расспросить, продолжал: – И никто не знает. Он был здесь как-то ночью, неделю назад, и, как всегда, ушел домой почти перед закрытием. Только вот до дома не добрался.

Их глаза на мгновение встретились.

– Дорога к его жилищу идет через болота.

Прис решительно подавила поднявшуюся волну паники, попыталась придумать другие причины отсутствия Пэдди и не смогла.

– Хотите сказать, что его убили?

Шеймус опустил глаза и пожал плечами:

– Откуда нам знать? Но Пэдди ходил той тропой десять тысяч раз, с самого детства, а в ту ночь даже не был пьян: так, навеселе. Трудно поверить, что он сбился с пути и попал в трясину. Но с тех пор о нем ни слуху ни духу.

Ледяной холод сковал Прис.

– Мой брат, лорд Рассел, занял прежнее место Пэдди.

Она словно издали услышала свой ровный голос и осознала, что Шеймус встревожен.

– Я хотела расспросить Пэдди о конюшнях Кромарти. Он что-нибудь рассказывал о своей работе? О людях?

В глубоко запавших глазах Шеймуса читались тревога и сочувствие. Отхлебнув пива, он тихо пробормотал:

– Пэдди служил там три года. Сначала место ему понравилось, и лошади вроде все породистые, но недавно он обмолвился, что там творится неладное. Поэтому и уволился.

– Неладное? – Прис подалась вперед. – Он больше ничего не говорил? Не намекнул, где собака зарыта?

Шеймус поморщился:

– Упоминал только, что этот дьявол Харкнесс, главный тренер Кромарти, замешан в чем-то по самые уши и, что бы там ни было, речь идет о каком-то реестре.

– Реестре? – нахмурилась девушка.

– Пэдди так и не сказал, что это за реестр и что за причина.

Шеймус снова отхлебнул пива и поднял глаза на Прис.

– Я слышал, ваш брат здорово разбирается в лошадях, но никогда не подкупал жокеев, не калечил лошадей и никаким боком не касался иных темных делишек. Бог свидетель: Пэдди не был святым, но если не смог вынести того, что творилось в конюшнях Кромарти, похоже, и у вашего брата начнутся трудности.

– И Пэдди пропал, – с ужасом пробормотала Прис.

– Да, думаю, неплохо бы сообщить об этом вашему брату, – посоветовал Шеймус и, поколебавшись, уже мягче спросил: – Он ваш близнец, не так ли?

– Да, – кивнула Прис. Голос ей не повиновался, пришлось сглотнуть колючий комок в горле, чтобы овладеть собой. – Большое спасибо за все. Я обязательно расскажу ему о Пэдди.

Прежде чем подняться, она порылась в кармане и положила на стол серебряный шести-пенсовик.

– Выпейте еще пинту. За Пэдди.

Шеймус глянул на монетку и миролюбиво проворчал:

– И вам спасибо. Предупредите брата, чтобы был поосторожнее.

Прис направилась к выходу.

Два часа спустя она уже входила в заднюю гостиную Деллоуэй-Холла.

Юджиния, ее тетка со стороны отца, вдова, живущая с ними вот уже семь лет, с тех пор как умерла мать Прис, сидела в шезлонге и мирно плела кружева. Аделаида, осиротевшая крестница Юджинии, хорошенькая девушка с блестящими каштановыми волосами, на два года моложе Прис, свернулась клубочком на сиденье-подоконнике с романом в руках. Заслышав шаги, она подняла голову и отложила книгу.

– Что-нибудь узнала?

Прис стянула перчатки и шагнула к стоявшему у окна дамскому письменному бюро.

– Нужно немедленно написать Расу.

Юджиния опустила спицы.

– Следовательно, ты узнала нечто неприятное. Что именно?

Прис уронила перчатки на бюро, откинула тяжелые юбки амазонки и уселась на стул.

– Я ожидала услышать, что Пэдди сцепился со старшим конюхом или что-то в этом роде. Надеялась, что причина его ухода от Кромарти будет простой и невинной. К сожалению, это не так.

Юджиния едва заметно нахмурилась.

– Пэдди упоминал, что на конюшнях лорда Кромарти творятся беззакония, и он, не пожелав это терпеть, попросту уволился. А сейчас исчез, и его друзья считают, что с ним разделились.

– Господи Боже! – ахнула Юджиния.

– О небо! – вторила ей Аделаида, схватившись за горло.

Прис выдвинула ящичек бюро и вынула стопку бумаги.

– Напишу Расу и потребую, чтобы он немедленно убирался оттуда. Если что-то происходит с лошадьми... вы знаете Расу. Он обязательно ввяжется в какую-нибудь историю, пытаясь все исправить. Но я не желаю, чтобы он пропал без следа. Если ему так уж неприятно возвращаться домой и объясняться с папой, пусть ищет другое место. Тренеры нужны не только у Кромарти.

Ее голос дрогнул. Пришлось остановиться и перевести дыхание.

Рас действительно был помешан на лошадях. Мечтой всей его жизни было вырастить победителя Ирландского дерби. И хотя Прис не разделяла его энтузиазма, все же вполне понимала честолюбивые устремления брата. К сожалению, их отец, Денем Деллоуэй, граф Кентленд, имел вполне определенные взгляды на то, чем полагается заниматься его сыну и наследнику, а именно – учиться управлять фамильными поместьями. Разведение и тренировка лошадей – это для людей низшего сословия, будущий граф Кентленд просто не имеет права тратить время на подобную чепуху.

Рас, старший из трех сыновей графа, тем не менее совершенно не видел себя в роли богатого землевладельца. Как и Прис, он пошел в мать и считал себя не столько англичанином, сколько кельтом, буйным, неукротимым, полным жизненной энергии. Конечно, близнецы понимали, что поместьям нужен управляющий: от этого зависит благосостояние семьи, но это так скучно! К счастью, средний брат, Альберт, которому уже исполнился двадцать один год, пошел в отца: надежный, спокойный, солидный. Альберт, вне всякого сомнения, будет счастлив взять в свои руки присмотр за поместьями.

Прис, Рас и Альберт всегда были близки, как, впрочем, и остальные дети Деллоуэя. Правда, Маргарет, Руперт и Эйлин были намного моложе: двенадцать, десять и семь лет, и требовали заботы и ласки. В заговорщики они годились мало. Трое старших еще до кончины матери заключили что-то вроде пакта: Рас покорится воле отца и приглядит за имениями, пока Альберт не вернется из Дублинского университета. А потом они изложат отцу свой план: Альберт будет управляющим вместо Раса, который посвятит себя созданию фермы по выращиванию скаковых лошадей.

Таковы были представления о будущем, которые рисовали себе все трое, и были при этом счастливы.

Два месяца назад Альберт, закончив обучение, вернулся из Дублина, и как только ознакомился с делами поместья, они изложили свой план графу. Тот немедленно его отверг.

Расу придется по-прежнему управлять поместьями. Если Альберту так уж хочется, он может помогать брату. Но ни один Деллоуэй не унижится до выращивания лошадей на коммерческой основе.

Рас немедленно взорвался. Прис и Альберт вполне разделяли его точку зрения: семь долгих лет он подавлял свои желания, отказывался от давней мечты, уступая приказам отца, и теперь считал, что имеет право жить той жизнью, которая была ему по нраву.

Граф презрительно скривил губы и наотрез отказался даже подумать об этом.

Обе стороны обменялись недвусмысленными репликами и неприятными словами, нанеся друг другу жестокие оскорбления. Доведенный до белого каления, Рас в бешенстве вылетел из Деллоуэй-Холла и, взяв с собой лишь самое необходимое, ускакал в ночь.

Три недели назад Прис получила письмо, в котором говорилось, что брат нашел работу в конюшнях лорда Кромарти, на одной из самых известных ферм по разведению скаковых лошадей в соседнем графстве Уэксфорд.

Пропасть между отцом и сыном становилась все глубже, и Прис была исполнена решимости исправить положение. Правда, требовалось время, чтобы взаимная неприязнь улеглась. Но после отъезда Раса она впервые в жизни ощущала полное одиночество, отчаянную тоску, словно некая часть ее самой была потеряна, грубо отсечена. И чувство это было куда более сильным, чем после смерти матери: тогда Рас был рядом.

Она отправилась на поиски Пэдди, пытаясь унять растущую тревогу за безопасность Раса, но вместо этого узнала, что брат попал в ситуацию, когда сама его жизнь может оказаться под угрозой.

Взяв из стопки листок бумаги, она потянулась к перу.

– Если я сейчас же напишу записку, Патрик сможет доставить ее до вечера.

– Советую тебе, дорогая, прежде всего прочитать это, – спокойно заметила Юджиния, вынимая письмо из-под бесконечно длинного водопада кружев и протягивая племяннице. – От Раса. Пришло с сегодняшней почтой после обеда. Не найдя тебя, Брэдли отдал его мне, вместо того чтобы оставить в вестибюле на подносе для почты.

Там, где его мог бы увидеть отец. Брэдли был их дворецким и, как почти все слуги, симпатизировал Расу. Прис, поднявшись, взяла письмо.

Теперь единственными звуками в комнате было позвякивание коклюшек, сопровождаемое тиканьем каминных часов.

– О нет! Что там? Что случилось?!

Взволнованные вопросы Аделаиды вернули Прис к реальности. Взглянув на встревоженных женщин, она сообразила, что выражение их лиц отражало ее нарастающий ужас.

– Рас уехал в Англию... в Ньюмаркет. Перегоняет туда скаковых лошадей конюшни Кромарти, – выдавила она и, облизав внезапно пересохшие губы, стала снова читать: – Он говорит... говорит, что Харкнесс, старший конюх, похоже, задумал какую-то аферу с лошадьми. Харкнесс рассказывал какому-то парню самого зверского вида, как проводят незаконные операции. Все дело в каком-то реестре. Рас не сумел подслушать всего, но считает, что Харкнесс имел в виду реестр всех лошадей, порода которых позволяет выставлять их на скачки. – Она перевернула страницу и, пробежав ее глазами, добавила: – Рас пишет, что не знает деталей реестра, но если когда-нибудь собирается выращивать скаковых лошадей, так или иначе должен узнать о нем как можно больше. Реестр хранится в ньюмаркетском «Жокей-клубе». – Дочитав последнюю страницу, она презрительно фыркнула: – Дальше идут уверения в полной безопасности и в том, что все будет хорошо, а если что-то пойдет не так, достаточно будет пожаловаться лорду Кромарти, мне не стоит волноваться... а главное – подпись: «Твой любящий брат, решивший пуститься в очередное приключение». – Прис швырнула письмо на бюро и обратилась к собеседницам: – Теперь придется ехать в Ньюмаркет.

Аделаида упрямо выдвинула подбородок.

– Мы поедем в Ньюмаркет. Не можешь же ты отправляться в дорогу одна!

Прис послала ей мимолетную улыбку и взглянула на Юджинию. Та кивнула и спокойно сложила кружева.

– Она права, дорогая. Иного выхода я не вижу. Я слишком люблю Раса, чтобы позволить ему распутывать эту историю в одиночку, и если там действительно творится нечто противозаконное, всякая переписка по этому поводу – чересчур большой риск. Понимаю, ты хочешь предупредить его, но что, если письмо попадет в чужие руки? Нужно потолковать с ним с глазу на глаз. Итак! – Сложив руки на груди кружев, Юджиния вопросительно уставилась на Прис: – Какую историю мы расскажем твоему отцу, чтобы объяснить, что нам вдруг так понадобилось в Англии?

Глава 1

Сентябрь 1831 года

Ньюмаркет, графство Суффолк

– Я надеялся еще побыть в относительной тишине и спокойствии.

Захлопнув за собой дверь кофейни «Ветка и сучок» на ньумаркетской Хай-стрит, Диллон Кэкстон зашагал по тротуару рядом с Барнаби Адэром.

– К несчастью, солнце выманило из домов толпы маменек с дочерьми.

Рассматривая экипажи, проезжавшие по мостовой, Диллон вымученно улыбнулся и приветствовал двух матрон с разом просиявшими дочерьми.

– Идем скорее, – прошипел он. – Если мы хотя бы на минуту остановимся, это расценят как приглашение к атаке.

Барнаби, усмехнувшись, последовал его совету.

– Похоже, ты еще больше разочарован милыми созданиями, чем в свое время Джерард.

– Конечно, ты, живя в Лондоне, привык к худшему, но пожалей нас, бедняг, кто ценит буколическое существование. Для нас даже малый сезон – нежеланное напоминание о том, чего мы так отчаянно пытаемся избежать.

– По крайней мере последняя загадка – превосходный предлог оказаться в другом месте и делать все, что пожелаешь.

Услышав, что очередная матрона требует от кучера остановиться в десяти шагах впереди, Диллон тихо выругался.

– Насколько я понял, леди Кершо собирается вдоволь напиться нашей крови.

Ее светлость, местная блюстительница этикета, повелительно поманила молодых джентльменов. Ничего не поделаешь: пришлось покорно идти к экипажу. Диллон обменялся приветствиями с леди и ее дочерью Марго, после чего представил им Барнаби. Несколько минут они беспечно болтали, но Диллон краем глаза заметил заинтересованные взгляды дам. Вскоре у обочины выстроилась вереница экипажей. Украдкой взглянув на Барнаби, делавшего все возможное, чтобы оправдать ожидания мисс Кершо, Диллон поморщился. Подумать только, какую картину они собой представляют: он смуглый, с темными локонами, недавно введенными в моду знаменитым поэтом, и Барнаби, златокудрый Адонис со светлыми волосами и ярко-голубыми глазами. Просто идеальное сочетание. И поскольку светское общество Ньюмаркета было весьма ограничено, неудивительно, что дамы выстраивались в очередь, чтобы привлечь внимание интересных джентльменов. Цель же последних, «Жокей-клуб», находилась в сотне ярдов отсюда: приходилось принимать брошенный вызов. Они держались достойно, уверенно, сказывалась практика общения в бальных залах лондонского света. Несмотря на любовь к буколической жизни, которую сумела обеспечить его кузина Флик – Фелисити Кинстер, – последние десять лет Диллон провел достаточно времени в вихре светской жизни и в столице, и в других городах, где, по выражению Флик, сохранял форму, продолжая практиковаться.

До его грехопадения и скандала, перевернувшего всю жизнь, он всегда полагал, что когда-нибудь женится и заведет детишек. Потратив последние десять лет на то, чтобы как-то упорядочить свое существование, заплатить долги, материальные и моральные, вновь восстановить свою честь в глазах тех, кто был ему небезразличен, он привык к уединенному существованию ничем не обремененного джентльмена.

Улыбнувшись леди Кеннеди, третьей по счету матроне, которой удалось его задержать, Диллон распрощался, позвал Барнаби и продолжал путь. Изредка он бросал взгляды на ожи-

дающие экипажи и их прелестных пассажиров. Никто не пробуждал в нем даже отдаленного интереса. Ни одно милое личико не разожгло в нем любопытства.

К несчастью, репутация человека с каменным сердцем, равнодушного к женским чарам, только подливала масла в огонь надежд местных леди. Многие считали его безразличие личным вызовом, а самого Диллона – чем-то вроде дезертира, которого давно следует поймать и хорошенько взнуздать. А их мамы!.. С каждым годом Диллону приходилось проявлять все больше осторожности, чтобы заранее разгадать очередную ловушку из тех, что расставляют матроны для ловли простаков.

Те немногие леди, которых он иногда укладывал в постель, не гнушались хитроумными планами. Последняя любовница пыталась убедить Диллона в бесчисленных преимуществах, которые он обретет, если женится на ее племяннице. Указанные преимущества не исключали и ее прелестное тело.

Он не разозлился. Даже не удивился. Просто был почти готов отказаться от всех мыслей о женитьбе.

– Миссис Картуэлл! Рад встрече, мадам.

Пожав протянутую руку надменной дамы, Диллон поклонился ослепительному видению, сидевшему рядом с миссис Картуэлл, после чего отступил и представил Барнаби. Последний обменялся любезностями с прекрасной мисс Картуэлл. Искренне благодарный другу, Диллон предоставил ему править бал.

Миссис Картуэлл сосредоточенно дирижировала беседой между дочерью и Барнаби, третьим сыном графа и столь же завидным женихом, как сам Диллон. Оставленный на произвол судьбы, Диллон вновь вернулся мыслями к тому делу, которое они с Барнаби обсуждали в «Ветке и сучке». Друзья выбрали самую тихую кофейню, посещаемую обычными людьми, а не клубное заведение, обожаемое любителями скачек, по той причине, что предмет их разговора вызвал бы немало слухов и сплетен среди последних.

Они стремились всеми силами избежать очередного скандала, связанного со скачками.

На этот раз Диллон не оказался по ту сторону добра, ангелы завербовали его по требованию всемогущего комитета «Жокей-клуба», чтобы проверить слухи об аферах со скачками, которые стали ходить после недавнего весеннего сезона.

Это требование служило также открытым и безоговорочным вотумом доверия, объявлением, что комитет считал грехи юности прощенными и грифельную доску – вытертой начисто. Более того, это было откровенным заявлением, что комитет верит в его честность и осмотрительность, преданность миру скачек и коневодства, которым руководил комитет и которому так долго служили он и его отец.

Его отец, генерал Кэкстон, давно ушел на покой, и теперь Диллон стал хранителем Реестра пород и Книги родословных, двух официальных столпов коневодства и скачек в Англии. И поскольку распространялись они из Лондона, Диллон завербовал под свои знамена достопочтенного Барнаби Адэра, доброго друга Джерарда Деббингтона. Диллон много лет знал Джерарда, оба были вхожи в семью влиятельных и могущественных Кинстеров. Недавно Барнаби помог Джерарду раскрыть жестокое убийство. Когда Диллон упомянул о возможном мошенничестве на скачках, глаза Барнаби загорелись. Разговор произошел в конце июля, Барнаби провел тщательное расследование и сообщил, что, хотя слухи казались весьма недостоверными, многие лошади, считавшиеся фаворитами, неожиданно пришли к финишу в числе последних и люди, поставившие на них, потеряли немалые суммы. Конечно, никто не находил в этом чего-то особенного: на скачках всякое бывает. Доказательств не было. Ничего, что позволило бы сделать следующий шаг.

Однако теперь, после первых скачек осеннего сезона, произошло нечто странное. Настолько, что Диллону пришлось срочно вызвать Барнаби.

Диллон изложил подробности трех последовательных попыток вломиться в «Жокей-клуб», вспомнив также о чересчур любопытном незнакомце – судя по акценту, ирландце. Но стайка впорхнувших в кофейню дам помешала продолжить обсуждение. Оставался кабинет Диллона в «Жокей-клубе», единственное место, где можно было поговорить с глазу на глаз.

Добраться до клуба не было никакой возможности. Сбежав от миссис Картуэлл, они пали жертвой леди Хеммингс. Но, едва они отошли от ее светлости, Диллон воспользовался шансом, предоставленным двумя компаниями оживленно сплетничавших дам, чтобы быстро проташить Барнаби через улицу, между двумя стоявшими экипажами. К тому времени как леди заметили исчезновение джентльменов, те уже сворачивали на длинную аллею, ведущую к входным дверям «Жокей-клуба».

– Уф-ф, – шумно вздохнул Барнаби. – Теперь я понимаю, о чем ты! Еще хуже, чем в Лондоне. Слишком мало мужчин, чтобы отвлечь на себя огонь.

Диллон кивнул:

– К счастью, на этот раз обошлось. Единственные женщины, замеченные в этих священных стенах, принадлежат к обществу помешанных на лошадях сумасбродок, и возможность поймать мужа их не интересует.

На аллее не было ни души, поэтому Диллон замедлил шаг и вернулся к прерванной беседе:

– Я думаю, наш незадачливый похититель охотился за Реестром пород, ибо в «Жокей-клубе» нет ничего более ценного.

Барнаби от неожиданности даже остановился, глядя на здание из красного кирпича, стоявшее в конце тенистой аллеи.

– Но там полно кубков, блюд, почетных знаков, которые наверняка чего-то стоят, если их расплавить. Разве не разумнее предположить, что вор охотился за ними?

– Большинство наград всего лишь позолочены либо посеребрены. Их ценность чисто символическая, ювелиры ничего за них не дадут. Этот вор – не профессионал, но человек весьма решительный. Кроме того, тут слишком много совпадений: кто-то расспрашивает о реестре, а вскоре пытается проникнуть в клуб, где тот находится.

– Верно. Но почему его хотят похитить? Выкуп? – оживился Барнаби.

Диллон вскинул брови.

– Об этом я не подумал.

– Потеря Реестра пород положит конец всем скачкам, поэтому требование выкупа со всего братства лошадиников может плохо кончиться для похитителя. Если реестр и исчезнет, думаю, он как по волшебству снова возникнет не далее чем через три дня. В этой области нет недостатка в тех, кто не прочь взять правосудие в собственные руки, особенно в подобных делах.

Барнаби нахмурился:

– Но ты сам сказал, что вор охотится за реестром.

– За информацией, содержащейся в нем. Она на вес золота.

– Но почему?

– Точно ответить не могу. Все зависит от того, каким образом будет использована эта информация.

Взгляды друзей встретились.

– Подмена лошади. Раньше подобные вещи делались довольно часто. Предположим, есть лошадь, выигравшая несколько скачек подряд, ее заменяют двойником, выдавая за фаворита, и доверчивые игроки теряют деньги. Владельцы войдут в сговор с нечестными букмекерами и прикарманят неплохой куш от потерянных ставок, да еще и получают часть денег друзей, ставивших против чемпиона.

– Вот они! – воскликнул Барнаби. – Неожиданные потери на скачках во время весеннего сезона!

– Совершенно верно. И тут на сцену выходит Реестр пород, обязательный список родословных лошадей, подтверждающий право участвовать в скачках на английских ипподромах по правилам «Жокей-клуба». Родословные полностью задокументированы в Книге родословных. Реестр – всего лишь список лицензий: каждую лошадь необходимо осмотреть и одобрить, прежде чем позволить выступать на скачках под покровительством «Жокей-клуба». Вместе с кличкой лошади и общими деталями каждая запись содержит физическое описание, необходимое для того, чтобы различать лошадей. От владельцев требуется записывать лошадей на скачки за несколько недель вперед, чтобы все распорядители успели получить и проверить копии описания участников.

– И все это хранится в Ньюмаркете?

– Мои клерки делают копии для распорядителей, по крайней мере во время сезонов скачек.

– Вот почему наш предполагаемый вор так интересуется описаниями лошадей. Что это ему даст?

– Есть два варианта.

Диллон вскинул голову: они были уже почти рядом с «Жокей-клубом».

– Первый: хозяин хочет подменить чемпиона, владельцем которого является. Ему необходимо очень тщательно подобрать двойника, иначе его план провалится.

Они остановились у двух пологих каменных ступеней, ведущих на крыльцо клуба, и Диллон повернулся к Барнаби.

– Второй. Некто, пославший вора, действительно задумал подмену, но еще не знает, кого именно подменить. Чтение описаний займет время, но наверняка поможет найти желаемое. При этом нужно учитывать, что двойнику придется пройти только проверку перед скачками, а она далеко не так тщательна, как остальные. И, поскольку лошадь не придет первой, никто не подумает подвергнуть ее более строгой проверке после скачек.

– Значит, прошлой весной мошенники произвели несколько подмен и это им сошло с рук? – нахмурился Барнаби. – Кроме того, у нас есть некий ирландец, предположительно работающий на какого-то владельца лошадей, которому требуется получить доступ к Реестру пород, чтобы облегчить дальнейшие подмены.

Диллон кивнул:

– Конечно, предыдущие события не обязательно связаны с настоящими. Но я позволю себе предположить, что это так и есть.

– У меня тоже такое чувство, – тихо фыркнул Барнаби.

Друзья остановились у двери. Сквозь стеклянную панель виднелась фигура швейцара. Широко распахнув дверь, он почтительно поклонился, поспешно отступил, споткнулся, едва не упал в своих стараниях поскорее позволить какой-то леди пройти в клуб.

И не просто леди. Ослепительному видению в изумрудно-зеленом.

Видение остановилось на верхней ступеньке, обнаружив, что дорогу загораживают двое хмурых мужчин.

Голова, увенчанная короной шелковистых иссиня-черных локонов, инстинктивно вскинулась. Глаза, еще более глубокого изумрудного оттенка, чем платье, растерянно глянули на Диллона.

Их взгляды встретились и застыли.

Барнаби пробормотал извинение и отодвинулся.

Диллон не шевельнулся.

На какое-то бесконечное мгновение окружающий мир сузился до этого лица.

До этих сверкающих зеленых глаз.

Они манили.

Обещали.

Очевидно, она была среднего роста, и, когда стояла на две ступеньки выше, ее глаза оказались на одном уровне с его собственными.

Он отстраненно отметил классическую симметрию ее личика сердечком, очень белую, почти прозрачную кожу, изящно изогнутые брови, густые черные ресницы, прямой маленький нос, чуть широковатый рот, полные и откровенно чувственные губы.

Он стоял и глазел, как зеленый юнец.

Прис, широко раскрыв глаза, не в силах отвести от него взгляда, пыталась отдышаться: каждая мышца сжалась и застыла, она не могла заставить себя расслабиться.

Стоявший рядом услужливый швейцар расплылся в улыбке.

– Это, мисс, и есть мистер Кэкстон.

У Прис кружилась голова, мысли расплывались.

– Эта леди спрашивала о реестре, сэр, – пояснил швейцар. – Мы сказали, что она должна поговорить с вами.

Кто из них Кэкстон? Не дай Бог он!

Оторвав взор от темных омутов, в которых она ухитрилась утонуть, Прис с надеждой глянула в сторону греческого бога. Греческий бог смотрел на темного, как сам сатана, спутника. Прис нерешительно перевела взгляд.

Его темно-карие глаза неожиданно посуровели, он угрожающе сощурился.

– Итак?

Прекрасный выговор и надменно-спесивый тон сказали все, что ей было необходимо знать о его происхождении и положении в обществе. Прис с бессознательной гордостью вскинула голову, вспомнив о том, что и она дочь графа!

– Я надеялась увидеть реестр, – улыбнулась она, уверенная, что ей не откажут. – Надеюсь, это возможно?

Прис немедленно ощутила неподдельный интерес к себе, интерес, не имеющий никакого отношения к ее ослепительной улыбке. В его глазах светилось явное подозрение.

Она решила, что, очевидно, все дело в ее акценте! Как все англо-ирландские аристократы, она говорила на безупречном английском. Но никакие уроки дикции не смогли вытравить из ее речи мягкого ирландского выговора, напоминания о ее родине.

Рас, естественно, говорил точно так же.

подавив неожиданно нахлынувший вихрь эмоций, она снова устремила взор на Кэкстона и вопросительно изогнула бровь.

– Возможно, сэр, вы согласитесь помочь мне в моем расследовании?

Она сделает абсолютно все, чтобы помочь Расу, вплоть до того, что не задумываясь сведет с ума англичанина. Подумаешь, важное дело!

Диллон учтиво наклонил голову, словно соглашаясь, и жестом попросил ее войти в его владения. Ее сводящая с ума улыбка все еще порхала на губах, но она послушно повернулась, ожидая, пока швейцар проводит ее в фойе.

Диллон последовал за ней. Он заметил расчетливый блеск в прекрасных глазах, послуживший надлежащим предупреждением. Ирландская дама желает увидеть реестр? Он потолкует с ней!

Остановившись в фойе, она оглянулась.

Бесстрастно улыбнувшись, Диллон показал на левую дверь чуть дальше по коридору:

– Мой кабинет там.

– А реестр? – вырвалось у нее.

Игривый тон заставил его подавить улыбку. Она не только сказочно красива, но и умна.

– Последний том – в кабинете.

Она молча шагнула вперед. Он, чуть отстав, шел за ней: вполне достаточное расстояние, чтобы оценить изящную фигуру, тонкую талию и изгиб бедер, не скрытый модным платьем с завышенной талией. Он живо представлял длинные стройные ножки в удивительно маленьких полуботинках, едва выглядывающих из-под изумрудно-зеленой юбки.

Маленькая плоская шляпа с крашеным пером залихватски сидела на затылке в гнезде крупных локонов. Спереди виднелся только кончик пера, загибавшийся над правым ухом.

Диллон достаточно разбирался в моде, чтобы по достоинству оценить и наряд, и шляпку, явно изделия рук дорогих модисток. Очевидно также, что их обладательница недавно прибыла из Лондона. Кем бы ни была леди, ее трудно назвать нищей.

– Следующая дверь справа.

Ему не терпелось поскорее заманить в кабинет неизвестную девицу, где можно будет без помех рассмотреть ее и допросить.

Она остановилась перед дверью, он повернул ключ в замке.

Леди, величественно наклонив голову, переступила порог, он последовал за ней, жестом показал на стул у письменного стола, сам же обошел стол, стоявший между высокими окнами, и опустился в кресло.

Барнаби скользнул в комнату, тихо прикрыл дверь и уселся напротив книжного шкафа. На мгновение встретившись глазами с Барнаби, Диллон понял, что тот решительно устранился от происходящего и предоставил другу задавать неприятные вопросы.

Скользнув взглядом по незнакомке, Диллон улыбнулся:

– Прошу прощения, мисс...

Удобно устроившись на жестком стуле с прямой спинкой, предусмотрительно снабженном подлокотниками, девушка улыбнулась в ответ:

– Даллинг. Мисс Даллинг. Признаюсь, что совершенно не разбираюсь в скачках, не интересуюсь скаковыми лошадьми, но надеялась посмотреть реестр, о котором так много слышала. Швейцар дал мне понять, что именно вы – хранитель столь знаменитой книги. Я считала, что реестр выставлен на публичное обозрение, как Книга записи рождений и смертей, но, очевидно, ошиблась.

Она обладала мелодичным, почти завораживающим голосом из тех, что присущи талантливым рассказчикам и заставляют вас безоговорочно принимать на веру каждое слово.

Диллон подавил неизвестно откуда взявшееся желание исполнить любую ее просьбу, с некоторым трудом обрел самообладание и с этой минуты придерживался своей обычной бесстрастной манеры поведения.

Он сразу заметил, что это не он, а его допрашивают под видом ни к чему не обязывающего светского щебета.

– Реестр пород, на который вы ссылаетесь, на публичное обозрение не выставляется. Он принадлежит архиву «Жокей-клуба». Вкратце – это список лошадей, допущенных на ипподромы под эгидой клуба.

Леди явно упивалась каждым его словом.

– Понятно. Предположим, кто-то желает удостовериться, что та или иная лошадь имеет право участвовать в скачках, проводящихся на этих ипподромах. – Еще один вопрос, замаскированный под утверждение. – Значит, существует возможность просмотреть Реестр пород?

– Нет. – Он улыбнулся намеренно снисходительно при виде ее нахмуренного лица. – Если хотите получить справку о какой-то лошади, вам необходимо подать прошение.

– Прощение?!

Наконец-то прямой, откровенный вопрос.

– Заполняете специальный бланк, и один из моих клерков снабжает вас необходимой информацией.

– Бланк, – повторила она с нескрываемым отвращением и, прищелкнув пальцами, добавила: – Что ж, ведь мы – в Англии, этим все сказано.

Диллон не ответил. Когда стало ясно, что он не попался на удочку, она попробовала зайти с другой стороны. Чуть подалась вперед, заговорщически взглянула на него огромными зелеными глазами, одновременно привлекая внимание к впечатляющей груди, не слишком большой, но восхитительно обольстительной.

Но он продолжал пристально смотреть ей в лицо. Девушка улыбнулась нежно, маняще.

– Но вы, конечно, позвольте мне просмотреть реестр одним глазком.

Он чувствовал, что тонет в омуте изумрудных глаз. Пришлось приложить некоторое усилие, чтобы освободиться от странного гипноза.

– Нет, – твердо отказал он, но тут же смягчился: – Боюсь, это невозможно.

Она нахмурилась и умоляюще прошептала:

– Почему нет? Я всего лишь хотела взглянуть.

– Почему? В чем причина столь неподдельного интереса? Вы же сказали нам, что ничего не понимаете в подобных вещах.

Она спокойно встретила его взгляд, вздохнула и, по-прежнему не теряя спокойствия, откинулась на спинку стула.

– Это для моей тети.

Диллон изумленно вскинул брови, но девушка, жизнерадостно помахав ручкой, пояснила:

– Она славится своими чудачествами. Ее последняя страсть – скачки. Поэтому мы и приехали сюда. Где-то она наткнулась на упоминание о реестре и теперь не поддается ни на какие уговоры. Требуется, чтобы я узнала о нем все возможное. Понимаете, я подумала, что вряд ли кто-то из служащих «Жокей-клуба» потерпит капризы пожилой придурковатой особы. Потому я и вызвалась прийти. Теперь вы понимаете, почему мне это так необходимо.

Последнее было сказано почти издевательским тоном. Диллон помедлил, обдумывая ответ.

Он вполне мог подойти к книжному шкафу, достать реестр и положить перед ней. Но внутренний голос остерегал от столь неосторожного поступка. Можно было бы объяснить, какая информация содержится в записях, но это означало искушать судьбу, особенно если кто-то планирует подмену лошади. Риск слишком серьезен, и поэтому всякая беспечность преступна.

Может, действовать ее же оружием и потребовать, чтобы она предъявила свою тетку? Да и существует ли тетка на самом деле?!

– Боюсь, мисс Даллинг, что могу сообщить вам только самые поверхностные сведения. Записи в реестре содержат список лицензий, позволяющих определенным лошадям участвовать в скачках под эгидой «Жокей-клуба». Простите, но излагать подробности – не в моей компетенции.

Взгляд зеленых глаз стал жестким.

– Какая таинственность!

– Уж позвольте нам иметь свои секреты, – усмехнулся он.

Ему показалось или она сверкнула глазами? Ретируется ли она или попробует другие, более сильные средства убеждения?

Она снова вздохнула, взяла с коленей ридикюль и одним гибким движением поднялась со стула.

Диллон тоже встал, пораженный собственным весьма реальным порывом продлить ее визит. Обойдя вокруг стола, он подступил достаточно близко, чтобы увидеть выражение ее глаз. Она держала себя в руках, но все же была определенно раздражена, зла на него.

Ей следовало бы сразу понять, что он не собирается пасть жертвой ее прелестей.

– Спасибо, что потратили на меня время, мистер Кэкстон, – бросила она, и в голосе, несмотря на мягкий выговор, зазвенели льдинки. – Я сообщу тете, что ей придется жить с вопросами, на которые нет ответа.

– Очень жаль разочаровывать пожилую леди, но правила есть правила, и созданы они недаром, – сообщил он, пожав плечами и ожидая ее реакции: нахмуренных бровей, резкого жеста... Однако она недоверчиво подняла брови и, изобразив полнейшее разочарование, отвернулась. – Я провожу вас до выхода, – предложил он, открывая дверь.

– В этом нет необходимости, – пробормотала она, протискиваясь мимо. – Уверена, что сама могу найти дорогу.

– И тем не менее...

Он вышел за ней в коридор. Она была оскорблена тем, что он ни на секунду не желает выпустить ее из поля зрения. Но оба знали, что, если предоставить мисс Даллинг себе, она начнет рыскать по клубу.

Она вышла в фойе и, не оглядываясь, поплыла к выходу.

– До свидания, мистер Кэкстон.

От нее так и веяло холодом. Диллон, остановившись в коридоре, наблюдал, как ошеломленный швейцар подскочил, чтобы распахнуть дверь. Девушка сделала шаг и исчезла в ярком свете дня. Дверь захлопнулась, и Диллон вернулся в кабинет. Барнаби выглядывал в угловое окно.

– Шестует, как разгневанная королева, – заметил он, поворачиваясь. – И что ты об этом думаешь?

Диллон снова уселся за стол.

– Весьма недурной спектакль. Представляет огромный интерес, по крайней мере для меня.

– Совершенно верно. Считаешь, что ее послал тот самый ирландец?

Развалившись в кресле, Диллон легонько побарабанил пальцами по столу.

– Не думаю. Судя по виду, она если и не аристократка, то по крайней мере из мелкопоместного дворянства. Врожденную надменность не подделаешь. Вряд ли она напрямую связана с тем ирландцем. Однако если спросишь, не послал ли ее ирландский хозяин, думаю, возможность вполне реальна.

– Но почему ей всего лишь требуется взглянуть на реестр?

Диллон пожал плечами:

– Когда при первой встрече швейцар сказал, что один из нас – мистер Кэкстон, она понадеялась, что это ты. Ты ее видел. Как по-твоему, сколько мужчин остались бы равнодушными к ее убедительным доводам?

– Я остался непоколебим.

– Верно, но ты насторожился, лишь только услышав, чем она интересуется. А уж ее акцент... Правда, она и тот, кто ее послал, этого не ожидали.

Барнаби задумчиво хмыкнул:

– Поняв, что Кэкстон – это ты, она была неприятно поражена.

Диллон вспомнил момент встречи. Поражена, это точно.

В то первое мгновение она словно узнала его и загорелась неподдельным любопытством. Странно, что и он испытал абсолютно то же самое.

– Но ты прав, – продолжал Барнаби. – Взглянуть на реестр одним глазком, потом двумя? А почему бы не позволить милой девушке поизучать записи часок-другой? Дело такое...

– Совершенно верно, – сухо согласился Диллон. – Полагаю, именно так все и произошло бы, окажись я чуть более доверчивым.

– Так или иначе, ее приход позволяет нам вести расследование сразу в двух направлениях, – с энтузиазмом начал Барнаби, но тут же поморщился. – Я попрошу тебя проследить за

ней. Сам же сосредоточусь на неизвестном ирландце и всех, кто может рассказать мне о людях, шатающихся по ночам поблизости от клуба.

Диллон кивнул.

– Встретимся завтра днем и обменяемся полученными сведениями.

Барнаби поднялся.

– Путешествуя по подозрительным кабачкам, – усмехнулся Диллон, – можешь утешаться мыслью, что слежка за мисс Даллинг приведет меня в те самые гостиные и бальные залы, которых я предпочел бы избегать, как чумы.

– Каждому свое, – ухмыльнулся Барнаби и, лихо отсалютовав другу, вышел.

Тем временем Диллон, не сводя глаз со стула, на котором еще недавно сидела таинственная дама, предался размышлениям.

Глава 2

– Я нигде не вижу Раса, – пробормотала Прис, оглядывая жокеев, тренеров, конюхов и мальчишек, занятых тренировкой лошадей на ньюмаркетском скаковом кругу. Вскоре должна была состояться одна из менее значительных скачек, и владельцы многих конюшен не преминули воспользоваться такой возможностью. Кроме того, тренировки помогали подогреть интерес к отдельным участникам.

Этим, вероятно, и объяснялось присутствие большого количества зрителей, которые, подобно Прис и Аделаиде, стояли за перилами по другую сторону круга, изучая лошадей. Разгоряченная толпа служила неплохим прикрытием.

Аделаида близоруко прищурилась.

– Ты никого не видишь из конюшен лорда Кромарти?

– Никого, – покачала головой Прис, изучая пестрое собрание. Жокеи уже сидели на гарцующих лошадях, готовых сорваться с места. – Я не уверена, что могу узнать кого-то, кроме самого Кромарти. Толстенький кругленький коротышка. Его здесь нет, но я как-то видела старшего конюха Харкнесса. На вид настоящий громила. Пока что он тоже отсутствует, хотя здесь есть парочка парней, весьма на него похожих. Пойдем. Может, Рас или Кромарти на другой стороне круга.

Раскрыв зонтики для защиты от утреннего солнца, они медленно пошли по выложенной дерном дорожке. Мужчины оборачивались вслед Прис. Подобные вещи давно уже ее не трогали. Обойдя большую компанию веселых джентльменов, она увидела стоящего в нескольких ярдах высокого, стройного, неотразимо красивого брүнета.

Мрачный взгляд Кэкстона был устремлен на нее.

Она подавила порыв схватить Аделаиду за руку, повернуться и зашагать в противоположном направлении: подобный поступок мог вызвать у него подозрения. Прис надменно задрала носик, делая вид, что все вокруг ей безразлично.

Он подождал, пока она подойдет ближе, и слегка раздвинул губы в улыбке. Ей почему-то страшно захотелось лягнуть его... да и себя заодно. Следовало бы остановиться в нескольких шагах. Пусть бы сам подошел к ней!

– Доброе утро, мисс Даллинг. Изучаете поле... действия?

– Совершенно верно.

Она не отреагировала на скрытый намек.

– Это мисс Блейк, моя близкая подруга.

Диллон наклонился над рукой мисс Блейк. Они обменялись обычными приветствиями. Мисс Блейк была хорошенькой молодой леди с золотисто-каштановыми волосами и яркими зеленовато-кариими глазами. В обычном обществе она сияла бы звездой и все же рядом с мисс Даллинг казалась бесцветной и поблекшей картонной куклой.

– Это ваш первый визит в Ньюмаркет?

При этом он взглянул на мисс Даллинг, словно адресуя вопрос ей. Она не протянула руки, мало того, крепко вцепилась в ручку зонтика.

– Да, – ответила она тоном принцессы и повернулась к скаковому кругу. – Кстати, вы не знаете, все ли конюшни тренируют лошадей перед скачками?

Интересно, зачем ей это нужно знать?

– Нет. Тренеры могут готовить коней любыми способами. Просто большинство пользуется преимуществом тех дней, когда круг свободен, и знакомит лошадей с дистанцией, которую им предстоит пройти. Каждый круг имеет свои особенности. Различная длина, различная форма, все это имеет огромное значение в любом забеге.

– Я должна все рассказать тете Юджинии.

– Но, кажется, она помешана на скачках и поэтому должна знать подобные вещи.

– О, она лишь недавно воспылала страстью к скачкам, вот и старается узнать побольше, – пояснила она, прикидывая, насколько он может быть полезен.

Он отлично видел, что она пытается обвести его вокруг пальца, и сделал все, чтобы довести до ее сведения свое открытие. Она это поняла и с вызовом спросила:

– Поскольку вы не желаете показать мне реестр, нельзя ли узнать, какие записи он содержит? Тогда я по крайней мере объясню тетушке эту часть головоломки.

Он долго молчал, но, заметив, что мисс Блейк удивленно поглядывает на них, неожиданно обратился к ней:

– Эта леди и ваша тетушка тоже?

Мисс Блейк бесхитростно улыбнулась:

– О нет, она тетка Прис. Я крестница леди Фаулз.

Диллон оглянулся на Прис... Присциллу? Она тут же вежливо улыбнулась и подняла на Диллона ясные глаза.

– Как насчет записей?

Как много можно ей открыть? Совсем чуть-чуть? Или достаточно, чтобы подтолкнуть на неосторожные поступки? Чтобы она выдала себя? Обнаружила, почему и для кого задает вопросы?

– В каждой записи содержится кличка лошади, пол, масть, дата и место рождения, клички родителей и их родословные. Только чистокровные лошади могут участвовать в скачках «Жокей-клуба».

Они стояли совсем рядом с перилами. Будущие игроки, «жучки», букмекеры и обычные зеваки теснились все ближе, чтобы лучше разглядеть происходящее. Какой-то мужчина, засмотревшись на мисс Даллинг, даже толкнул мисс Блейк. Сжав ее локоть, чтобы не дать упасть, Диллон поймал взгляд мисс Даллинг. Мисс Блейк смущенно поблагодарила его.

– Может, нам стоит удалиться в более спокойное место? – спросил он, показав чуть в сторону от толпы.

Мисс Даллинг кивнула:

– Тетя Юджиния все равно еще не успела выбрать фаворита.

Губы Диллона дернулись. Его так и подмывало спросить, существует ли тетя Юджиния на самом деле. Но вместо этого он подхватил дам под руки и зашагал к хорошо ухоженным газонам, уходившим в сторону от круга.

– А что еще включено в реестр? – не унималась мисс Даллинг.

Как лучше возбудить ее аппетит?

– Есть и другие детали, но, к сожалению, они не подлежат огласке.

– Итак, всякий, кто хочет участвовать в скачках на ипподроме «Жокей-клуба», должен зарегистрировать лошадь, сообщив о ней те подробности, о которых вы упомянули, и только потом получить лицензию?

– Верно.

– Это устное разрешение?

Черт возьми, зачем ей это нужно знать?

– Это бумага с гербом «Жокей-клуба». Для того чтобы выставить лошадь на скачки, владелец должен предъявить этот документ.

Последовало молчание. Между бровями девушки появилась тонкая морщинка: очевидно, его ответы очень для нее важны.

– Этот листок бумаги... содержит ту же информацию, что и запись в реестре?

– Нет. В ней приводятся только кличка, пол, масть и дата рождения лошади, которая допускается на скачки.

– Значит, никаких конфиденциальных подробностей там не указывается?

– Нет.

– Понятия не имею, что все это значит, – вздохнула девушка, – но уверена, что тетя Юджиния будет довольна. И конечно, непременно захочет узнать, что это за конфиденциальные подробности.

Судя по взгляду, ее следующей целью будут именно «конфиденциальные подробности». Но тут она улыбнулась:

– Кто знает, может, когда я передам ей ваши слова, она удовлетворится и перенесет свое внимание на другие, не менее интересные вещи?

Диллон нахмурился. Ее веселая, чуть таинственная улыбка, играющая на красивых губах, тревожила его. Прис отвернулась, предоставив ему разгадывать истинный смысл ее последней фразы. Можно подумать, она пыталась уверить его, что больше не будет вытягивать информацию, но он хотел, чтобы она вернулась, чтобы продолжала допрашивать его, чтобы вместе с решимостью в ней росла беспечность.

Она именно из тех людей, которые со временем теряют осмотрительность. Ирландский нрав рано или поздно возьмет верх, и тогда Диллон узнает все необходимое.

Он завел светскую беседу с мисс Блейк, расспрашивая, что она думает о лошадях, о самом Ньюмаркете, бывала ли в «Сучке и ветке».

Все, что угодно, лишь бы подольше побыть в обществе мисс Даллинг, побольше узнать о ней и ее окружении.

Странно, что столь умная и хитрая *femme fatale*¹ не погнушалась обществом молодой невинной особы вроде мисс Блейк.

Он еще раз оглядел ее совершенный профиль, прежде чем сообразил, что и она, и мисс Блейк не просто разглядывают толпу, а ищут кого-то.

– Вы потеряли знакомого в толпе?

Прис медленно повернула голову, выиграв несколько секунд на обдумывание ответа.

– Как вы уже догадались, мы из Ирландии. Тетя Юджиния утверждает, что здесь есть и ирландские лошади, и попросила нас проверить, не узнаем ли мы соотечественников.

– Всякого, кто похож на ирландца, – пояснила Аделаида. – И говорит как ирландец.

– А вы знаете, какие ирландские конюшни будут выставлять лошадей на следующих скачках? – вмешалась Прис.

– Таковых немало, но почти все они арендуют стойла на Пустоши и приводят участников в местные конюшни только в день скачек. Кроме того, владельцы обычно нанимают местных жокеев: те хорошо знают дистанцию. – Он кивнул в сторону конюхов. – Так что из ирландцев вы можете здесь встретить только владельцев, тренеров да, может, старших конюхов.

– Ясно, – коротко обронила Прис, стараясь поскорее закончить беседу и не выдать себя.

– Если желаете, я могу вас туда проводить. Дамам не стоит появляться там без эскорта, но со мной вы будете в безопасности.

Прис встретила с ним взглядом, втайне желая набраться храбрости и принять его предложение. Она уже отчаялась отыскать Расу и была бы рада увидеть хоть кого-то из конюшен Кромарти. Она растянула губы в легкой улыбке.

– Возможно, как-нибудь в другой раз. Боюсь, мы и так задержались. Тетя Юджиния, наверное, уже волнуется, – ответила она, протягивая руку. – Спасибо за компанию, сэр. Тетушка будет благодарна за все, что вы мне сообщили.

Он сжал ее руку, и она немедленно ощутила жар его ладони и странное покалывание в тех местах, где их пальцы соприкоснулись. Безмятежно глядя ему в глаза, она дала себе зарок ни в коем случае более не подавать ему руки.

– Хотя информация весьма ограничена, не так ли?

¹ Роковая женщина (*фр.*).

Черт возьми, он продолжает ее изучать!

– Совершенно верно.

Она попыталась отнять руку. Он задержал ее на мгновение, но тут же отступил. Она чувствовала некое предостережение, исходящее от него, но не совсем понимала, что оно означает. Какую границу ей не стоит переходить?

Бесстрастные лица обоих ничего не выдавали. Аделаида мило покраснела, прежде чем распрощаться.

И прежде чем Прис успела увести ее, Диллон поинтересовался, где они остановились. Аделаида ничтоже сумняшеся немедленно выдала, что они оставили коляску в «Короне и арапнике» на Хай-стрит.

Прис следила за ним, как ястреб за добычей, но Диллон ничем не показал, что информация его заинтересовала. Учтиво улыбнувшись, он поклонился и пожелал им благополучно добраться до места.

Прис величественно наклонила голову, взяла под руку Аделаиду и решительно повела прочь. Потребовалось немало усилий, чтобы не оглядываться, хотя его мрачный взгляд буквально сверлил ей спину, пока они не скрылись из виду.

– Необходимо каким-то образом найти Раса, – объявила Прис за обедом в уютном особнячке, снятом Юджинией, и добавила, рассеянно ошпыивая виноградную гроздь: – Должно быть, Кэкстон прав: Кромарти нанял конюшню где-то на Пустоши.

– Она очень большая, эта Пустошь? – осведомилась Юджиния, поднимая свое кружево.

Прис наморщила носик.

– Насколько мне известно – огромная и не имеет четких границ. Это участок, расстилающийся вдали от города, и там хватает места, чтобы проминать лошадей дважды в день.

– Так что найти конюшню, снятую Кромарти, будет нелегко.

– Да, но если мы будем объезжать Пустошь во время тренировок, рано утром и во второй половине дня, может, и встретим кого-то знакомого. Рас говорил, что помогает тренировать лошадей, по крайней мере помогал в Ирландии.

– Может, поедем сегодня днем? – оживилась Аделаида.

Прис очень хотелось согласиться, но она покачала головой:

– Кэкстон и без того что-то заподозрил. Мы сказали, что ищем ирландских лошадей, чтобы удовлетворить твое ненасытное любопытство, тетушка. Если он увидит нас сегодня днем на Пустоши, поймет, что мы чересчур торопимся и преследуем некую цель. Не хотелось бы привлекать излишнее внимание.

Юджиния, вскинув голову, устремила вопросительный взгляд на племянницу.

– Ты боишься его. Почему?

Прис вскинулась было, но тут же прикусила язык. Она давно уже убедилась в проницательности тетушки.

– Наверное, потому, что он очень красив... совсем как я. И, как в случае со мной, люди не видят дальше его лица и фигуры. Забывают, что Господь наградил его острым умом и за этим завлекательным фасадом кроется отнюдь не пустота.

– Он и вправду красив, – подтвердила Аделаида. – Очень смуглый, темноволосый, но какой-то жесткий, с ним как-то неловко.

Прис не возразила. Нетерпеливо барабаня пальцами по столу, она перебирала в памяти все, что успела узнать, и пыталась найти выход.

– Так что ты собираешься делать дальше? – спросила Юджиния.

Прис пожалла плечами:

– Можем поехать туда завтра на рассвете. Владелец гостиницы сказал, что все команды тренируются там каждое утро. Кэкстон просто не ожидает встретить нас так рано. Если уж он

что-то заподозрил, станет искать нас днем. А пока... – Она нахмурилась и отодвинула стул. – Если бы мне только удалось взглянуть на чертов реестр, я бы лучше поняла, что за пакость готовит Харкнесс. И лучше, чем Рас, сообразила бы, что делать.

– Одно из преимуществ близнецов, – усмехнулась Юджиния. – Они читают мысли друг друга.

Прис, поднявшись, выдавила улыбку.

– Прошу простить меня, я хотела бы немного погулять по саду.

– Сегодня утром я увидел ее у скакового круга. Она была с подругой, мисс Блейк, – сообщил Диллон, развалившись в кресле за письменным столом. – Мисс Даллинг пыталась выведать побольше о реестре. Она уверяла, что пытается найти ирландские команды, но вполне возможно, солгала.

– Ты узнал, где они остановились?

Барнаби развалился в кресле напротив книжного шкафа и вытянул перед собой ноги, явно отдыхая после дневных трудов. Диллон кивнул:

– Проследил за ними до самого дома. Они поселились в старом особняке Кэрисбрука. Я поспрашивал кое-кого. Тетушка, леди Фаулз, действительно существует и сняла дом на несколько недель.

– Хм... – пробормотал Барнаби. – Что ты думаешь о мисс Даллинг? Она действительно интересуется реестром из-за чудаковатой тетки?

Диллон выглянул в окно, любуясь живописным закатом.

– Я считаю ее прожженной лгуньей, постоянно балансирующей на грани правды. Заметь, она говорит неправду только в случае крайней необходимости.

– Таких сложнее всего уличить, – согласился Барнаби.

– Именно. А что удалось узнать тебе?

– Ирландец, темноволосый, высокий, худой, лет двадцати пяти. Больше мне никто ничего не смог сказать, хотя один старик считает его разорившимся аристократом.

– Я знаю всех ирландских тренеров и владельцев конюшен в этом сезоне, по крайней мере с виду: ни один не подходит к этому описанию.

– Как и прелестная мисс Даллинг, он не обязательно связан с чьей-то конюшней. Может, он имеет совершенно иное отношение к этим событиям.

– Верно. Ты узнал что-нибудь о неудавшихся взломах?

– Только то, что это место – подарок для любого грабителя. Оно очень далеко от дороги и к тому же скрыто густыми деревьями. Легче легкого приблизиться к нему ночью. В первый раз он пришел неподготовленным: попытался влезть в одно из окон, но не сумел сломать защелки и удрал, услышав шаги ночного сторожа. Во второй раз ему удалось проникнуть в кухонное окно, но дверь оказалась закрытой снаружи на засов, так что ему снова пришлось ретироваться. В последний раз он разбил стекло и вломился в коридор. Стал шарить на полках, но споткнулся о ящик. Ночной сторож примчался на шум, и грабитель поспешно бежал.

К несчастью, сторож не смог внятно его описать. Разве что рост, сложение и цвет волос. Судя по тому, как он резво бегаёт, можно предположить, что это и есть тот молодой ирландец.

– Готовится что-то нехорошее. Ты, я, комитет, все мы это знаем, но, кроме предположений и подозрений, у нас ничего нет. Нужно изловить этого ирландца. Только он сумеет пролить свет на все, что происходит.

– Я согласен, – кивнул Барнаби, – но как?

– Ты сам сказал, что это место – подарок для грабителей. Ему удалось трижды подбраться так близко, возможно, он еще вернется. Что, если мы предложим ему соблазнительную приманку, подождем, пока он сделает ход, и появимся на месте преступления?

– Что ты предлагаешь?

– Поскольку он успел побывать в кабинетах, значит, знает, в каком крыле хранится реестр. Он использует деревья для прикрытия, чтобы обойти дом и удостовериться, где пребывает ночной сторож, а заодно проверить, не работает ли кто-то допоздна. Мой кабинет – угловая комната. Что, если он, придя сегодня, обнаружит, что это окно слегка приоткрыто?

– Полетит сюда, как мотылек на огонь, увидит, что это кабинет, и... – ухмыльнулся Барнаби.

Диллон мрачно улыбнулся:

– И, подобно мотыльку, обожжет свои крылышки.

Поздно вечером Прис соскользнула с седла на опушке леса, позади здания «Жокей-клуба». Бледный полумесяц был затянут облаками, почти не пропускавшими света. Под густыми деревьями царил мрак. Было темно и страшно.

Подавив дрожь, она решительно выкинула из головы глупые фантазии и привязала кобылу к низко нависшей ветке.

Прис углубилась в заросли. В мужских бриджах, сапогах, куртке, с платком на шее и в мягкой широкополой, низко надвинутой на лоб шляпе, под которой укрывались волосы, она вполне могла сойти за молодого конюха. В Ньюмаркете их хоть отбавляй.

Она всматривалась вперед: кто знает, какому мошеннику вздумается пробраться в «Жокей-клуб»?

Между стволами уже виднелось здание из обветренного, потускневшего красного кирпича. Только белые оконные рамы поблескивали в случайно пробившихся лучиках лунного света.

Ей вспомнился разговор с Юджинией. Странно, но она действительно знала, о чем думает Рас. Из последнего письма было ясно, что пока брат не знает, что представляет собой реестр и каким образом он связан с задуманной Харкнессом аферой.

Возможно, именно у него Кэкстон и его дружок услышали ирландский акцент. Им наверняка показалось подозрительным, что два человека с одинаковым произношением и даже с одними и теми же интонациями справляются о реестре, да еще на протяжении очень короткого отрезка времени. Неудивительно, что Кэкстон насторожился, опасаясь какого-то подвоха.

Они могли заподозрить Раса, и тут явилась она. Кэкстон скорее всего посчитал ее соучастницей. Но невзирая ни на что, она должна взглянуть на реестр. Только после этого она узнает столько же, сколько Рас, а может, и больше.

Судя по тому, как плотно сжимал губы Кэкстон, характер у него не из легких. И ошибок он не прощает. Так что не стоит тратить время, обхаживая его клерков. Только в том случае, если все другие способы будут исчерпаны.

Она молилась о том, чтобы Рас пришел сюда сегодняшней ночью. Все, о чем она просила Бога, – дать ей возможность взглянуть на реестр и найти брата, увериться, что, несмотря на все беды, он жив, здоров и в безопасности...

Добравшись до опушки, она прислонилась к стволу толстого дерева и медленно осмотрела здание. И при этом мысленно соотносила вид снаружи с теми деталями интерьера, которые успела заметить только вчера. Кэкстон упоминал, что реестр – это часть архива, а значит, томов должно быть несколько. Но она была уверена, что самый последний наверняка хранится в его кабинете, на одной из полок.

Все, что ей необходимо, – один пристальный взгляд. Вполне достаточно, чтобы убедиться, в чем состоят «конфиденциальные детали».

Угловое окно справа, то, что ближе всего к ней, было приоткрыто на несколько дюймов. Ее мозг лихорадочно заработал. Она прикинула расстояние от центра здания, где находился холл, мысленно прошлась по коридору, ведущему в кабинет Кэкстона, где было открыто окно.

В душу закралось подозрение.

Прис снова взглянула в сторону окна, и ей стало еще больше не по себе. Так ли уж случайно Кэкстон оставил окно открытым?!

Легкое движение на другом конце здания привлекло ее внимание: едва заметная тень мелькнула и мгновенно растворилась в мрачном лесу. Прис снова взглянула на открытое окно и осталась на месте, неподвижная, едва дыша, становясь одним целым с ночью.

Явная ловушка! И чья это тень? Раса? Или несущего вахту Кэкстона? Несмотря на его элегантность и изысканный вид, он не погнушается маячить в кустах темной ночью, готовый схватить всякого, кто посмеет вторгнуться в его святилище.

Она напряглась, пытаясь расслышать любой звук, любой шорох, легкий треск, шурясь в темноте, чтобы различить хоть какой-то знак чужого присутствия.

И увидела фигуру, медленно крадущуюся в ее сторону. И хотя мысли беспорядочно метались, она так и не шевельнулась. Если это Рас... поймет ли он, что открытое окно – ловушка?

Но что, если даже в этом случае у него хватит безрассудства полезть в нее?

Воцарилась тишина, полная и абсолютная. Стук сердца громом отдавался в ее ушах. Она больше не видела и не слышала неизвестного. Минуты тянулись, как часы. Глаза от напряжения заслезились, она сморгнула.

Из кустов в ярдах пятнадцати от нее поднялась темная фигура. На большой поляне, за клубом, появился мужчина.

Прис мысленно выругалась. Света было недостаточно, чтобы ясно увидеть его лицо.

Незнакомец замедлил шаг, огляделся, сунул руки в карманы.

И тут Прис его узнала.

Вскинувшись, она открыла рот, чтобы остановить брата...

Еще один мужчина, с золотистыми волосами до плеч, выскочил из укрытия и кинулся к Расу.

Прис охнула, но Рас, услышав шаги, повернулся навстречу. Выбросив вперед ногу, он встретил друга Кэкстона пинком в ребра. Тот пошатнулся, но в следующий миг бросился на Расу.

Прис, хорошо знавшая брата, рассудила, что он выйдет победителем в поединке, и поэтому продолжала держаться в тени.

Громкие проклятия и внезапное движение справа заставили ее развернуться.

Чуть подальше в лесу скрывался еще один соглядатай. Кэкстон! Он бросился на помощь приятелю.

Прис не задумываясь рванулась в глубь леса. Поспешный взгляд через плечо показал, что уловка удалась. Кэкстон замер на полпути.

У нее была ровно секунда, чтобы решить, стоит ли кричать во всю глотку. Не важно что: Рас узнает ее голос. Нужно любым способом дать понять брату, что она здесь, в Ньюмаркете.

Но Рас чересчур увлекся схваткой и, услышав ее голос, отвлечется. Тут же примчится Кэкстон... Рас наделает глупостей и обязательно попадетсся.

Кэкстон все еще оставался на месте, не уверенный в том, что видел кого-то. Плотнo сжав губы, Прис продолжала метаться из стороны в сторону. Кэкстон, очевидно, приняв решение, бросился за ней.

Девушка повернулась и бросилась бежать.

Кэкстон уже нагонял ее. Сердце колотилось все сильнее, воздуха не хватало, легкие горели, но впереди уже мерцал слабый свет, там кончались заросли и начинался луг. На опушке была привязана ее лошадь.

Тяжелые сапоги Кэкстона с силой стучали по земле всего в нескольких шагах от нее.

Отчаявшаяся девушка вырвалась из тени деревьев и, задыхаясь, метнулась к лошади.

И тут что-то ударило ее по затылку.

Она упала как подкошенная.

Едва успев схватить ночного посетителя, Диллон сразу понял, кто перед ним.

Она отчаянно отбивалась и почти уже вырвалась из его ослабевающих рук.

Диллон выругался и усилил хватку, и они повалились на землю. Он приземлился сверху.

На какой-то миг оба едва не потеряли сознание от удара, но она, словно дикая кошка, стала яростно извиваться под ним, метя в лицо острыми ногтями.

Он схватил ее руки и едва успел сжать запястья.

Она осыпала его гэльскими проклятиями. Лягалась и дралась, словно обезумевшая. Он едва сумел избежать удара коленом, прижав ее ногу бедром.

– Лежи смирно, черт бы тебя побрал!

Но она ничего не желала слушать. До него доносились ее прерывистое дыхание, всхлипы, стоны...

Диллон безжалостно применил силу, прижав ее руки к земле и придавив ее всем телом, чтобы усмирить.

Это было роковой ошибкой: ощущать каждое движение ее гибкого тела, каждую ласку женственных, греховно соблазнительных изгибов оказалось выше его сил.

Его тело отреагировало мгновенно и болезненно.

– Ради Господа Бога, – процедил он. – Если не хотите, чтобы я взял вас здесь и сейчас, лежите смирно!

Это наконец дошло до нее. Она застыла.

Он выжидал, но она оставалась неподвижной. Оцепеневшей.

Они лежали на открытом пространстве, и, хотя почти соприкасались носами, было слишком темно, чтобы разглядеть выражение лиц друг друга.

Он изо всех сил старался не смотреть на ее губы и тем более грудь, все еще вздымавшуюся, непрерывно касающуюся его груди. И вместо этого вынудил себя сосредоточиться на ее глазах, широко раскрытых и обрамленных темными ресницами.

Откинув голову, она выкрикнула очередной гэльский эпитет и напряглась, но не пыталась его сбросить.

– Именно так вы развлекаетесь? Гоняетесь за дамами по лесу? – презрительно проговорила она, но в голосе слышались панические нотки.

Диллон нахмурился, продолжая смотреть в широко распахнутые глаза. Неожиданно он сообразил, что именно волна чувственного восторга заставила ее потерять голову и испугаться. Испугаться себя.

Лучшего шанса заставить ее исповедаться у него не будет.

Диллон намеренно неспешно устроился поудобнее между ее бедрами.

Девушка коротко приказала:

– Оставьте меня в покое.

Она даже заикнулась на последнем слове.

Он замер. Выругался про себя. Сейчас она окончательно лишится самообладания. Черт побери, он не мог этого допустить.

Он уже хотел отпустить ее и подняться, когда в лесу раздался оглушительный грохот. Оба посмотрели в ту сторону.

Из чащи, держась за голову, выбрался Барнаби. Ему так и не удалось поймать ирландца.

Он устало прислонился к дереву.

– Слава Богу, ты его поймал.

Диллон вздохнул и, не выпуская руки пленницы, поднялся и бесцеремонным рывком поставил ее на ноги.

– Нет, – бросил он, оглянувшись. – Я поймал ее.

Глава 3

К тому времени как Кэкстон втолкнул ее в свой кабинет, Прис уже успела успокоиться. Кэкстон лишь сжимал ее локоть. Правда, она не желала даже такого контакта, но все же это куда лучше, чем то, что он вытворял в лесу.

Он подтащил ее к стулу напротив письменного стола.

Он сорвал с ее шеи платок, завел ее руки назад и связал. Не слишком туго, но достаточно крепко для того, чтобы она не смогла освободиться.

Она снесла это унижение только потому, что решила держать себя в руках. Предательские чувства все еще были в смятении, лишая сил, не давая возможности вырваться.

Она презрительно сощурила глаза.

– Вам следует развязать мне руки.

Вот теперь с ним говорила графская дочь.

Кэкстон встретился с ней взглядом, подумал, протянул руку и развязал узел.

Оставив ее распутывать платок, он преспокойно обошел стол и уселся в кресло.

Прис услышала стук закрывшейся двери и скрежет засова. Приятель его прохромал к креслу и медленно опустился на сиденье.

Ей удалось сохранить бесстрастный вид. Недаром она верила в Раса: на скуле Барнаби красовался огромный синяк. Еще один залил челюсть, и, судя по тому, как он двигался, ребра тоже не избежали повреждений. Но несмотря на жестокие побои, он явно не потерял способности соображать и действовать.

Девушка свернула платок и спокойно повязала его на шее. Взглянула на Кэкстона, отметила, что тот хмурится, и поняла, что он уставился на ее грудь.

Поблагодарив всех святых за то, что не имеет привычки мгновенно вспыхивать, она опустила руки.

– Итак, когда мы все собрались здесь, чем могу помочь, джентльмены?

Ничего, она еще покажет им! Эта беседа для них добром не закончится!

Диллон моргнул от неожиданности, но самообладания не потерял.

– Для начала можете объяснить, что вы делали в лесу.

Изумрудные глаза широко раскрылись.

– Как что? Да просто бродила по лесу. Или это запрещено?

Лицо Кэкстона мгновенно отвердело.

– Тот мужчина... кто он такой?

Стоит ли спросить, что за мужчина?

Но вместо этого она пожала плечами:

– Понятия не имею.

– Вы шли на встречу с ним.

– Говорите что угодно.

– Он тот злодей, который пытался вломиться в «Жокей-клуб».

– Да неужели?

Диллон почти поверил в ее неподдельное изумление. Она действительно ничего не знала?

– Вы знакомы с ним и поэтому намеренно помешали мне и Барнаби. Знали, что негодяй справится лишь с одним противником. Вы его сообщница и помогли ему сбежать. Вполне вероятно, вы стояли на страже, пока он пытался забраться в клуб.

Девушка, не отвечая, поудобнее устроилась на стуле, положила руки на подлокотники и спокойно встретила его взгляд.

– Любопытная гипотеза.

– Чистая правда или очень близко к правде.

– У вас чрезмерно развито воображение.

– Моя дорогая мисс Даллинг, что, по-вашему, случится, если мы доставим вас к констеблю и объясним, что застали вас у здания «Жокей-клуба» как раз в тот момент, когда некий мужчина, пытавшийся вломиться в клуб, скрылся с места происшествия?

Она снова широко раскрыла глаза, только на этот раз на ее чувственных губах играла легкая, слегка издевательская улыбка.

– Думаю, бедняга констебль проклянет судьбу и не будет знать, куда деваться от неловкости, поскольку, как мы уже установили, прогулки по лесу вовсе не являются преступлением. Ваши уверения, что мы с неизвестным знакомы, – чистые домыслы, которые я решительно отрицаю. Что же касается моей одежды, я уверена, скоро вы поймете, что и в этом случае я не преступила закон.

Несчастливого констебля наверняка зачарует ее голос. Да и что он сможет ей инкриминировать?

Оставалось молчать и тянуть время.

Она продолжала едва заметно улыбаться, давая понять, что разгадала его уловки и не собирается умолять о пощаде.

Вскоре он обнаружил, что рассматривает ее костюм. В таком городе, как Ньюмаркет, вид женщины, одетой в бриджи, хоть и не одобрялся приличиями, однако вовсе не был редкостью.

За последнее время все большее количество женщин так или иначе участвовало в подготовке лошадей, а ездить верхом в юбках было попросту опасно. Каждый раз, навещая Флик, Диллон чаще видел ее в бриджах, чем в платье.

Кстати...

Неожиданная догадка осенила его. Костюм мисс Даллинг явно с чужого плеча: бриджи широки, штанины длинные, как и рукава куртки, плечи висят, манжеты доходят почти до кончиков пальцев. Только сапоги были ее собственными и ловко сидели на маленьких изящных ножках. Одежда брата?!

Диллон порывисто вскинул голову.

– Мисс Даллинг, вы утверждаете, будто не знаете человека, которого пытался задержать мистер Адэр?

Тонкие брови надменно поднялись.

– Мой дорогой мистер Кэстон, я вообще не намереваюсь ничего вам объяснять.

– Он ваш брат?

Ее ресницы дрогнули, взгляд по-прежнему оставался невозмутимым.

– Мои братья в Ирландии, – бесстрастно ответила она. Но Диллон понял, что хоть и попал в самую точку, но наткнулся на глухую стену. Больше она рта не раскроет.

Тяжело вздохнув, он поднялся и показал на дверь.

– Благодарю за помощь, мисс Даллинг, однако...

Она поднялась и направилась к двери. Но помедлила у кресла Барнаби.

– Мне очень жаль, что вас так покалечили, мистер Адэр. Сделать вам ледяные компрессы? Весьма помогают от синяков, – объявила она и, величественно кивнув, удалилась.

Диллон смотрел ей вслед, любясь покачивающимися бедрами и уверенной походкой, но скоро опомнился и пошел за ней. Не хватало только, чтобы она в одиночестве бродила по коридорам «Жокей-клуба»!

Черт возьми, она упустила Раса!

Крепко сжимая поводья резвой кобылки, Прис обводила взглядом ньюмаркетскую Пустошь, на которой тренировали лошадей. Дыхание животных вырывалось клубами пара в холодном утреннем воздухе.

Когда солнце поднимется выше, здесь станет оживленнее. Прис хотела уйти, прежде чем появится большинство джентльменов, желающих посмотреть на участников завтрашних скачек.

Группа, за которой Прис вела наблюдение, не была ирландской. Напрягая слух, она едва различала команды и замечания, которыми перебрасывались тренеры. Никакого отношения к лорду Кромарти.

С трудом подавив разочарование и игнорируя нарастающую тревогу, она поскакала к месту, где тренировалась другая группа.

Прис выезжала вот уже второе утро. Вчера ее сопровождала Аделаида, но ее нельзя было назвать опытной всадницей. Прис приходилось не столько искать брата, сколько приглядывать за ней. Сегодня она поднялась пораньше, натянула изумрудную амазонку и выскользнула из дома, оставив Аделаиду досматривать сны.

Холодный воздух обжигал щеки. Немного взбодрившись, Прис поднялась на небольшой холмик и оттуда взглянула на очередную команду. Ближе подбираться нельзя: пусть она не узнает Харкнесса, но, если учесть, что тот работает с Расом, он может ее опознать.

Пока она не добьется правды, не стоит, чтобы кто-нибудь из конюшен его светлости, кроме Раса, разумеется, пронюхал, что она в Ньюмаркете.

Она снова прислушалась, но команда была чересчур далеко. Пришлось спуститься вниз. Там Прис снова прислушалась. И на этот раз услышала. Закрыла глаза и сосредоточилась.

Знакомый мелодичный акцент, слегка гортанный выговор.

Задохнувшись, она стала всматриваться в людей, занятых своим делом. Вот он, Харкнесс. Смуглый, темноволосый, устрашающий здоровяк. Нет, воображение не сыграло с ней злую шутку! Она нашла команду лорда Кромарти!

Облегченно вздохнув, она присмотрелась к тем двоим, что суетились рядом с Харкнессом. Раса среди них не было. Она уже хотела обратить внимание на всадников, что было делом нелегким, поскольку они поднимались и опускались в такт шагам лошади, но тут справа, в небольшой рощице скользнула тень, привлекающая ее внимание.

Всадник на могучем вороном скакуне. Он смотрел на нее!

Прис выругалась. Еще не разглядев хорошенько его лица, она знала, кто перед ней.

И поэтому резко развернула кобылку, ударила каблуками по блестящим бокам и поскакала по Пустоши в полной уверенности, что он ринется следом. Негодяй, вне всякого сомнения, следил за ней все утро, а возможно, и вчера тоже. Теперь он знает, что она разыскивает определенную команду. Слава Богу, что она заметила его, прежде чем успела наделать глупостей и выдать свой интерес к команде Кромарти!

Оглянувшись, она увидела, что худшие подозрения подтвердились: вороной неумолимо настигал ее, взрывая копытами землю.

Пригнувшись, Прис подгоняла свою лошадь, пытаясь придумать, что сказать, когда он поравняется с ней.

У нее есть все причины больше никогда не попадаться ему в руки. Но и не стоит позволять ему думать об ирландской команде.

Она снова оглянулась.

Он догонял ее. Нужно сделать все, чтобы он не запомнил команду. Есть одно оружие, с помощью которого он вообще забудет, как его зовут. Конечно, это небезопасно, но чего не сделаешь от отчаяния!

Не хватало еще, чтобы мистер Кэкстон, хранитель Реестра пород, заявился на конюшню Кромарти!

Прерывисто вздохнув, она придержала кобылу и позволила Кэкстону себя догнать. Едва тот немного расслабился, как она резко и неожиданно развернула лошадь, направив ее к роще. Вороной, более массивный и не такой маневренный, замешкался.

За спиной разразился гром проклятий: это Кэкстон пытался справиться с жеребцом. Тем временем она успела дважды обогнуть рощу и вернулась к тому месту, откуда начала скачку. Кэкстон оказался слева.

Девушка остановила кобылу, соскользнула с седла, набросила поводья на ближайшую ветку, подхватила юбки и метнулась в глубь зарослей.

Она мчалась сквозь прохладные тени к гигантскому старому дубу с широким дуплом. Задышавшись, она спряталась за стволом, прижала юбки к бедрам, закрыла глаза и стала ждать.

Время шло. Она ничего не слышала, кроме стука собственного сердца. Воздух по-прежнему оставался холодным, но солнце уже прорывалось через густые кроны, отбрасывая на землю пятнистые узоры. Пахло древесиной и зеленью.

Она постепенно успокоилась и снова прислушалась. Ничего. Все казалось таким мирным.

Но тут где-то поблизости хрустнула ветка. Еще минута, и он навис над ней. Огромный. Свирепый. Греховно прекрасный.

Посмотрел на Присциллу, судорожно комкавшую юбки, и изогнул брови, очевидно, ничуть не взволнованный.

Прис не задумываясь выпрямилась, подняла руку, обняла его, привстала на носочки и притянула к себе его голову. И прижалась губами к его губам.

Все мысли разом вылетели из головы Диллона. Окружающий мир исчез. Остались лишь сладость и обольстительная свежесть ее губ.

Его глаза были открыты, но он ничего не видел. Потом ощутил, как медленно опускаются его веки. И сдался. Смирился с тем, что пойман, загнан в ловушку и что ее смелая неожиданная атака застала его врасплох.

Его губы смягчились под ее натиском. Он уже начал отвечать на ее недвусмысленное приглашение, поднял руки, чтобы привлечь ее к себе, но вовремя опомнился. Попытался отстраниться, освободиться. Но маленькая ручка, обхватившая его шею, чуть сжалась. Прис подступила ближе, коснулась его тела своим, чувственным и соблазнительным, как у сирены. Вторая рука скользнула по груди, поднялась к плечу. И тоже обвила его шею.

Он ощутил порыв желания необычайно сильного, мощного, рожденного похотью, подогретого ее красотой, окрашенного первобытной потребностью владеть и властвовать, брать и покорять, подстегнутого ее холодным презрением: смесь глубинных страстей, которые она без особых усилий разожгла и стремилась выпустить на свободу.

Он отпустил собственную внутреннюю узду, обнял Прис и притянул к себе, чтобы победить и завладеть. Встретить ее вызов с открытым забралом и восторжествовать.

Поставить ее на место.

Он покорился порыву и поцеловал ее. Поцеловал страстно, играя губами и языком. Прис не почувствовала угрозы. Сейчас она вполне могла держать себя в руках.

Прижав ее к дереву, он раскрыл языком ее губы, проник в рот и предъявил свои права.

Шокированная Прис попыталась отстраниться. Руки, превратившиеся в стальное кольцо, прижимали ее к дереву. Его тело высылось перед ней непреодолимым барьером. Ей с ним не совладать. Этот чужак захватил ее в плен.

Ее тело отвечало против ее воли. Вместо того чтобы сопротивляться, она таяла. Все ее мышцы превратились в желе. Вцепившись в его плечи, она впиалась пальцами в массивные мускулы и изо всех сил старалась держаться, сохранять здравый рассудок... но он не позволил ей даже этого. Чуть склонив голову набок, он безжалостно врывался в ее рот.

Какая-то часть сознания продолжала бороться, но тщетно.

Она пробовала держаться, не поддаваться соблазну, но он безжалостно подрывал линию обороны и тянул за собой.

Его губы требовали, приказывали, вынуждали ее отступить, сдаваться.

Она была абсолютно беспомощна в его руках и не могла отступить. Избавиться от наваждения, которое сама навлекла на себя.

В нем пылал неугасимый огонь, обжигавший ее. И она заметила очевидное доказательство его желания, так дерзко прижатое к ее животу. И все же за всем, что он делал, просматривалось холодное безразличие, некая отстраненность, жесткий контроль, которые она, несмотря на все усилия и тайные надежды, не смогла поколебать. Он диктовал свои условия, преподавая ей хороший урок.

Словно почувствовав ее озарение, он чуть пошевелился. Одна рука поднялась выше по спине, продолжая сжимать ее, другая – медленно сползла вниз, на бедра... еще ниже...

Даже сквозь бархат амазонки она ощущала чувственность его прикосновения. Откровенное обладание.

И вместо того чтобы отозваться презрительной яростью, ее предательское тело и еще более предательский разум покорились. Она едва не упала ему на грудь!

Его язык раздвинул ее губы еще шире. Безжалостное и неспешное, это вторжение стало еще более интимным, эротичным.

Она дольше не могла противиться ему, да и себе тоже и капитулировала. Все преграды рухнули.

И Диллон понял это. Приходилось вести войну с собой, чтобы не реагировать, не проявлять чувств. Больше всего он мечтал прижать ее к дереву, поднять юбки и погрузиться в распутное тепло.

Он победил, восторжествовал, но не ожидал, что битва пойдет так далеко. Распознав ее цели, он отплатил той же монетой. Она оказалась достойным соперником, ответила ударом на удар, отчаянно защищаясь до тех пор, пока они не достигли критической точки в танце страсти.

Какая-то часть сознания, до сих пор ему неизвестная, подогреваемая жарким желанием, напомнила ему, что все это начала она. Он принял ее вызов, и не должна ли она теперь платить запрошенную цену?

Держа ее в объятиях, остро ощущая каждый изгиб роскошного тела и сочных губ, искушение овладеть ею, он мечтал закончить то, что начала она. Это было бы достойным завершением ночи.

Почему вдруг эта женщина показалась ему беззащитной и очень уязвимой?

И пусть эта, темная сторона его души хочет, жаждет взять ее, он не сможет заставить себя причинить зло этой женщине.

Потребовалось немало усилий, чтобы прервать поцелуй: слишком далеко зашли они по дороге страсти, чтобы просто остановиться и отступить. Ему следует вернуть ее назад, в обычный мир, шаг за шагом отступая от пропасти, на краю которой он еще не бывал.

И осознание этого помогло ему справиться с собой.

Диллон поднял голову и взглянул на ее распухшие губы. Он не был нежен!

Девушка глубоко вздохнула. Ресницы затрепетали и поднялись, открыв блестящие глаза цвета потемневшего изумруда. Вуаль иссякающего желания медленно таяла.

Он продолжал смотреть в эти глаза, пытаясь игнорировать биение жара в крови, по-прежнему до самых кончиков пальцев ощущая волнение ее вздымающейся под бархатным жакетом груди, пока она старалась отдышаться.

Оба они понимали, что случилось. Она бросила вызов и убедилась, что силы неравны, манипулировать им ей не удастся.

Он не смог удержать циничной самодовольной улыбки.

– Насколько я понял, вам все ясно.

Ее глаза яростно сверкнули, но она слишком хорошо владела собой, и поэтому не ответила.

Он смотрел ей в глаза еще несколько секунд, прежде чем медленно, очень медленно разжать руки.

– Могу я предложить вернуться к лошадям?

Ничего не скажешь, им действительно не мешает держаться друг от друга подальше.

Она посмотрела в ту сторону, где они оставили лошадей.

Он отступил, давая ей возможность проскользнуть между ним и деревом.

Слегка пошатываясь, она направилась к опушке.

Он молча пошел рядом.

Прис приказывала ногам повиноваться, заставляла мозг мыслить связно, осознать все, что случилось или могло случиться.

Потом постаралась отбросить эти мысли. Если она начнет задумываться, что ощутила в те мгновения, значит, просто не сумеет разделаться с ним. А разделаться с ним она просто обязана.

Она нахмурилась, когда они приблизились к опушке, и помрачнела еще больше, когда, оглядевшись, сообразила, что вокруг нет ни одного упавшего дерева, ни одного пенька, которыми можно было бы воспользоваться, чтобы вскочить в седло.

Он это заметил и коротким взмахом руки направил ее к кобылке. Прикусив губу, девушка остановилась рядом с лошастью, повернулась лицом к нему и усилием воли заставила себя взглянуть ему в глаза. Его рука обвила и сжала ее талию.

И это случилось снова. Вспышка жара, распространившаяся от его пальцев по всему телу, желание, захлестнувшее волной. Ее. И его. Их взгляды скрестились. Выражение его лица, идеально вылепленного, классически красивого, лучше всяких слов говорило, что он хочет ее.

Но Кэкстон умел держать себя в руках.

– Советую, мисс Даллинг, если в вас еще осталась хотя бы капля самосохранения, – холодно произнес он, – больше не пытайтесь обвести меня вокруг пальца, используя себя в качестве наживки.

Вместо ответа она надменно вскинула брови.

– Я не из тех мужчин, которых можно подчинить себе, не питайте особых иллюзий. Если вы еще раз предложите себя, я не задумаюсь...

Потребовались значительные усилия, чтобы не опустить глаз. Чтобы не отреагировать на недвусмысленную угрозу.

Ей вовсе ни к чему слушать: за последние минуты она и так все усвоила. Этого джентльмена следует избегать всеми возможными способами.

И она постарается. Очень постарается.

Прис многозначительно посмотрела на лошадь.

Диллон, поджав губы, подхватил ее, усадил в седло и даже придержал стремя, словно давно привык к подобным обязанностям.

– Благодарю вас, – сухо процедила Прис и, едва заметно кивнув, собрала поводья, прищипорила кобылку, посылая ее в галоп. Все, что угодно, лишь бы убраться отсюда как можно скорее.

Только у самого дома Прис немного пришла в себя.

– Неудивительно, – пробормотала она, натягивая поводья. – Не каждое утро тебя почти что насилуют.

Она знала, что Кэкстон подумывал об этом. Подумывал, но намеренно отступил и пощадил ее.

Припомнив все, что она испытала, до чего была низведена, она прошипела сквозь зубы:

– Его следовало бы изгнать из приличного общества! Если он способен сотворить подобное со мной, нечувствительной к его чарам, какой же эффект он производит на более податливых молодых леди?

Прис передернула плечами. Что ни говори, а Кэкстон преподал ей достойный урок. Ей следовало подумать, что он окажется невосприимчивым к ее оболъщению. Тем не менее ей удалось запутать следы, иначе он наверняка вспомнил бы команду, которую она высматривала, прежде чем увела его от опасного места.

Так в чем же дело? Все превосходно!

Теперь она хотя бы знает участок, где тренируется команда Кромарти. Завтра она опять поедет туда, найдет Раса, и все будет намного лучше.

Прис искренне надеялась, что сможет избежать этого чванливого мерзавца Кэкстона. Его предостережение больно ранило, но авантюрная жилка подстрекала рисковать, невзирая ни на что.

Добравшись до особняка, она свернула к конюшням.

И все же предостережение Кэкстона было не слишком искренним.

Воскрешая в памяти его слова, интонации, она попыталась разобраться в эмоциях, крившихся под этими словами.

Как легко он сдержал свои желания!

Девушка спешила, рассеянно вручила конюху поводья и уже приоткрыла боковую дверь, когда поняла, в чем кроется несоответствие.

Он понимал, что она видела всю опасность своего поведения. И будь он действительно хозяином положения, будь он хотя бы наполовину так умен, как она считала, он просто отпустил бы ее.

Прис остановилась.

Если ее чары не действуют на него, зачем трудиться и предупреждать?

Он хотел вывести все, что она знала. Если уж он так равнодушен к ней, почему не воспользоваться моментом, чтобы заставить ее выдать правду?

Он далеко не так неподатлив, каким хочет казаться. И не желает, чтобы она подвергала его новым испытаниям, потому что в следующий раз ей удастся взять над ним верх, выиграть очередной поединок.

Или по крайней мере получить право торговаться.

– Так, так, так, – пробормотала она, прищурившись. Немного подумала, кивнула и двинулась дальше. Это надо запомнить, уж если избегать его не представится возможным.

Она нашла команду Кромарти и отыскала крохотную трещинку в непробиваемом панцире Кэкстона. Что ни говори, утро не прошло даром!

Глава 4

Развалившись в кресле гостиной фамильного дома Деймона и Флик, Диллон рассказывал хозяевам все, что узнал о мисс Даллинг.

Он и Барнаби встретились сегодня утром. Обсудив последние новости, они решили посоветоваться с Деймоном, которому до тонкостей известен мир скачек, особенно если речь шла об аферах.

– Заметив, что я за ней наблюдаю, она ускочила. Но я поехал следом. Поняв, что не сможет сбить меня со следа, она вернулась в Кэрисбрук-Хаус.

Диллон посмотрел на Флик, примостившуюся на ручке кресла Деймона. Сегодня на ней был не мужской костюм, а платье: она проводила время с отпрысками, а не на конюшне мужа. Двое старших детей, Пруденс и Николас, присутствовали тут же, в гостиной, словно имели на это право. Восемилетний Николас походил на отца и внешностью, и умом. Примостившись рядом с Барнаби, он ловил каждое слово. Десятилетняя Пруденс, истинная Кинстер, предпочла занять место рядом с Диллоном. Подобно матери, она считала все происходящее своим делом и внимательно прислушивалась к интересному рассказу.

– Я серьезно сомневаюсь, что мисс Даллинг замешана в происходящем, – заключил Диллон, – но она, несомненно, что-то знает, и, возможно, больше, чем мы. Думаю, она кого-то защищает. Вполне вероятно, своего брата.

– Она определенно разволновалась, когда ты предположил, что я дрался именно с ним, – вставил Барнаби, – и к тому же я забыл упомянуть, что взломщик был похож на нее.

Диллон недоуменно моргнул.

– Этаким грубый мужской вариант ее лица, – поправился Барнаби. – Честно говоря, он выглядел как нечто среднее между ней и тобой.

Флик мгновенно оживилась и открыла рот, чтобы задать очевидный вопрос. Но Пруденс ее опередила:

– А какая она? Хорошенькая?

Все уставились на Диллона.

– Нет, хорошенькой ее не назовешь, – признался он. – Она поразительно, необычайно, невероятно красива! Я таких еще не встречал. Если она приехала в город без кольца и не получит предложения в течение первой же недели, бдительные мамы начнут ножи.

Брови Флик взлетели вверх.

– Господи Боже! И эта богиня снизошла до Ньюмаркета?

Голубые глаза Флик расчетливо блеснули. Увидев это, Диллон посмотрел на Деймона, гадая, что скажет его влиятельный зять. У Деймона были весьма твердые принципы относительно участия Флик в опасных предприятиях. Правда, он позволял ей скакать на своих лошадях, так что понятия об опасности были весьма гибкими. Настолько, что он и Флик были счастливо женаты свыше десяти лет.

Деймону не нужно было даже смотреть на Флик, чтобы понять, о чем та думает.

– Как по-твоему, сумеешь узнать больше о мисс Даллинг, встречаясь с ней на званых вечерах и балах?

– Разумеется, – усмехнулась Флик. – Однако, – она устремила взор на Диллона, – попытка раздобыть необходимую информацию может потребовать убеждений того сорта, для которых я не приспособлена. Но мы посмотрим.

Диллону пришлось не по вкусу реакция Флик.

– Ее тетка сняла Кэрисбрук-Хаус. Мисс Даллинг утверждает, что ее тетка несколько чудаковата, в последнее время заинтересовалась скачками. Этим и объясняется ее интерес к реестру.

– Хм... – задумчиво протянула Флик. – Как считаешь, она хорошо держится в седле?

– Похуже тебя, – ухмыльнулся он, чем заработал направленные в свою сторону страдальческие взгляды Флик, Деймона, Николаса и Пруденс. Все знали, что лучшей наездницы, чем Флик, не найти во всей стране. Она вполне способна обогнать даже Деймона, которому, по общему признанию, не было равных. Сказать, что мисс Даллинг держится в седле хуже Флик, означало ничего не прояснить. – Собственно говоря, она совсем неплоха, – протянул Диллон и, подняв брови, поправился: – Если уж совсем честно, она чертовски хороша, гораздо лучше средней леди-наездницы.

– Значит, разбирается в лошадях? – уточнил Деймон.

– Да, но не в том смысле, что ты имеешь в виду. Она понимает лошадей, но так, как я. Не так, как вы двое.

Деймон поморщился.

– Значит, нет причин считать, что ее семейство владеет конефермой или чем-то подобным. Однако какая-то связь с лошадьми все же имеется.

Диллон наклонил голову.

– Итак... – Деймон посмотрел на жену, – мы предоставим мисс Даллинг тебе, дорогая, по крайней мере до тех пор, пока не узнаем больше. А пока что необходимо понять, существует ли возможность подмены лошади на скачках.

Барнаби, мгновенно став серьезным, подался вперед.

– Значит, вы согласны с тем, что происходит нечто странное? Что это не мы сделали неверные выводы из тех обрывков информации, которые случайно к нам попали?

Диллон всмотрелся в мужественное красивое лицо Деймона. Сейчас он был мрачен как туча.

– К сожалению, согласен. Дело не в вашем чересчур буйном воображении. Как бы мне ни хотелось отбросить ваши подозрения и заверить, что ничего особенного не происходит, вы собрали слишком много доказательств, и это уже не случайное совпадение. Из этого следует лишь одно: готовится какое-то мошенничество.

Диллон и Барнаби переглянулись.

– Итак, что мы должны делать? – осведомился Диллон у зятя.

Они перебрали все известные им факты. Пруденс и Николас явно устали от взрослых разговоров. Флик с улыбкой встала и проводила детей до двери.

– Нам пора кататься верхом.

Она кивком попрощалась с гостями и обменялась взглядами с мужем.

– Позже все мне расскажешь.

Деймон улыбнулся и кивнул. Она вышла.

Тем временем мужчины определили круг вопросов, на которые требовался ответ, и оценили свои возможности. Прежде всего было необходимо разобраться в слухах о неожиданных финансовых потерях игроков во время весеннего сезона.

– Сначала проверим, чьи лошади и в каких скачках участвовали.

– Когда я попытался что-то выведать, – поморщился Барнаби, – слухи разом рассеялись. Никто не желал называть имен.

– Слишком много джентльменов чересчур заботятся об общественном мнении, – хмыкнул Деймон. – Они ноют и стонут, но когда дело доходит до необходимости подать жалобу – не дай Бог! Но самые большие проигрыши от замены лошадей случаются не здесь, а в Лондоне, где ставки гораздо выше. Возможно, нам удастся убедить тех, кто больше всех ворчит, назвать кое-какие имена.

Очевидно, кому-то следовало разобраться в лондонских слухах. Но с началом сезона ни Диллон, ни Деймон не могли покинуть Ньюмаркет. Однако Деймон решил предупредить своего брата Вейна и кузенов Девила и Габриэля Кинстеров, которые сейчас находились в городе.

– Если мы все объясним и назовем недовольных, братья сумеют заставить их выдать источник этого недовольства. Барнаби, вы согласны вернуться в Лондон и разузнать подробности?

– Я и отцу расскажу! – с энтузиазмом согласился Барнаби. Его отец имел связи в новом управлении полиции. – Кое-кто из инспекторов наверняка что-нибудь да слышал.

– А пока я буду держать ухо остро, – пообещал Деймон. – Что же до тебя, Диллон... – Хищная улыбка озарила его лицо. – Сомневаюсь, что Флик добьется успеха с мисс Даллинг. Однако постоянное общение в свете даст тебе больше возможностей перетянуть леди на нашу сторону.

– Если бы только она сказала, зачем ей реестр. – Диллон тяжело вздохнул и покачал головой. – Я убежден, что ей что-то известно, но...

– Но... – перебил Деймон, – она слишком испугана, чтобы быть с тобой откровенной, во-первых, потому, что сама не знает, чего ищет, а во-вторых, потому, что кого-то защищает. Диллон, сейчас главное – завоевать ее доверие. Без этого ты ничего от нее не добьешься.

– Ах вот как? – скептически проворчал Диллон, на которого тирада зятя впечатления не произвела. – Посмотрим.

Прис изнемогала от нетерпения, ругалась, бродила по комнате, но вынудила себя выждать остаток дня и весь следующий, прежде чем снова отправиться на поиски команды лорда Кромарти.

Она оглядывалась всю дорогу до Пустоши, но слежки не обнаружила. Если Кэкстон ждет на месте, при определенном везении просто ее не узнает. Сегодня она сидела верхом на крепком, но ничем не примечательном гнедом, одетая в мужские бриджи, сапоги и низко надвинутую широкополую шляпу. Она обмотала шею широким шарфом, доходившим до подбородка. В таком костюме можно сойти за конюха, и это даст возможность следить за командой Кромарти и, кто его знает, встретить Расу.

К счастью, команда тренировалась почти на том же месте, что и в прошлый раз. Она наблюдала за ними под прикрытием деревьев. Но Раса нигде не было видно.

Она не знала точно, что входит в обязанности помощника конюха; возможно, его присутствие во время тренировок и не требуется.

Пока Харкнесс школил своих питомцев, она думала о Расе, вспоминала его лицо, совместные проделки.

Харкнесс дал команду уезжать. Длинная кавалькада потянулась с Пустоши.

Она последовала за ними, держась на почтительном расстоянии: если кто-то и оглянется, не заметит ничего подозрительного.

Наконец всадники свернули с дороги на тропинку. Прис остановилась, чтобы взглянуть на дорожную табличку. На ней было написано «Суоффем-Прайор». Если ее увидят, подумают, что она направляется в деревню.

Девушка продолжала преследовать команду Кромарти. Еще немного – и они свернули на другую тропинку, в конце которой виднелось несколько зданий.

Похоже, цель их назначения ясна.

Прис промчалась по полям и нашла низкий, поросший деревьями холм за зданиями, на вершину которого и взобралась. Очевидно, именно здесь лорд Кромарти разместил лошадей.

Она вглядывалась в каждого, кто появлялся во дворе. Раса нигде не было.

Вышедший из дома лорд Кромарти заговорил с Харкнессом.

После долгой дискуссии Харкнесс послал паренька за резвой черной кобылой. Парень провел ее перед мужчинами и, дождавшись кивка хозяина, вернул кобылку в стойло.

Безуспешно прождав еще час, Прис сдалась. Но, вернувшись на дорогу к Суоффем-Прайор, поколебалась и повернула на тропинку, ведущую к деревне.

Может, Рас скрывается где-то поблизости?

Патрик Дули, преданный слуга Юджинии, провел вечер в кабачке Суоффем-Прайор и вернулся поздно с неприятными новостями.

Он доложил, что конюхи лорда Кромарти действительно проводили вечера в крохотном кабачке. Ему даже не пришлось спрашивать о Расе: его исчезновение было основной темой разговоров. Если верить парням, Щеголь, как они любовно его называли, отсутствует уже дней десять.

Их описание Раса было довольно точным: прекрасные манеры и доскональное знание лошадей. Никто из парней не знал ни о каких его ссорах с Кромарти или Харкнессом. По их словам, оба были крайне озадачены исчезновением Раса.

Правда, всех крайне заинтересовала реакция Харкнесса: обнаружив, что Рас ушел, он впал в бешенство. Кромарти тоже был вне себя. Он даже предложил награду за известия о Расе, утверждая, что тот слишком много знал о лошадях, их особенностях, привычках и приемах, которыми можно было заставить их плохо пробежать дистанцию. Кромарти якобы желал убедиться, что Рас не продал его секреты конкурентам.

– В общем, он ушел, – заключил Патрик, – но никто не знает куда.

Глядя в его бесстрастное лицо, Прис уверенно сказала:

– Рас, должно быть, жив, иначе Кромарти и Харкнесс не назначили бы награду. Видно, почуял что-то неладное, сбежал и где-то прячется.

– Я тоже так полагаю, – кивнул Патрик.

– Но где он может скрываться?

– Вы лучше знаете эти места, – вздохнул Патрик.

Прис поморщилась. За годы, проведенные в Деллоуэй-Холле, Патрик хорошо узнал Раса и его сестру. Если не считать ее и Альберта, он лучше других понимал Раса.

– Я не разбираюсь в скачках, но... Как по-вашему, остался он здесь или отправился в Лондон?

– Не знаю, – вздохнула Прис. – Он был здесь три ночи назад, но теперь? В Лондоне спрятаться легче. Кроме того, у него там знакомые и друзья по Итону и Оксфорду. Ему, вероятно, понадобится помощь.

– Я проверю дилижансы, узнаю, был ли он в списке лондонских пассажиров, – пообещал Патрик. – Кроме того, придется отправиться в Кембридж и справиться, не сел ли он в тамошний дилижанс.

Юджиния кивнула:

– Поезжай завтра и разузнай, что сможешь. А мы попробуем что-то сделать здесь.

Она взглянула на Прис. В обычно мягком голосе прозвенели стальные нотки.

– Все это не шутки и не капризы твоего взбалмошного брата, а нечто более серьезное. Нам нужно любой ценой выволить Раса из того переплета.

Немного подумав, Прис сокрушенно охнула.

– Все сводится к чертову реестру! Прости, Юджиния, но, не зная, что в нем содержится, мы не пойдем, с чем столкнулся Рас.

– А копии реестра не существует? – поинтересовался Патрик.

Прис покачала головой:

– И он зорко охраняется, а теперь и подавно. – Она едва заметно покраснела. – Прошлой ночью я подобралась к «Жокей-клубу» и обыскала лес на случай, если Рас вернется. Его не было, зато я увидела двух сторожей, обходивших здание. Кэкстон знает, что мы с Расом охотимся за реестром, и сделает все, чтобы мы его не увидели.

– Может, попробовывать как-то убедить мистера Кэкстона, – предложила Юджиния. – Прис, ты говорила, что он очень красив.

– Он даже красивее меня. И совершенно не поддается на «мягкие убеждения».

– Мне вот что пришло в голову...

Все повернулись к Аделаиде.

– Я видела в городе библиотеку. В конце концов, это Ньюмаркет: возможно, там есть книга, в которой рассказывается о реестре.

– Превосходная идея! – обрадовалась Прис. – Молодец, Аделаида! Завтра же отправимся туда, а заодно поищем и карты. Я хочу знать, где находятся общинные земли и нет ли на Пустоши заброшенных построек или конюшен.

– Еще одна превосходная идея, – одобрил Патрик.

– В таком случае, – заключила Юджиния, – завтра будет чем заняться. А теперь пора спать.

Поднимаясь по ступеням вслед за Юджинией, Прис продолжала гадать, где сейчас брат. Голоден он или сыт? Сидит у огня или мерзнет?

– Вам повезло. У нас есть карта, где показаны все конюшни и конефермы, – улыбнулась леди, стоящая за стойкой библиотеки. – Боюсь, вам не позволят взять ее с собой, но можно изучить ее здесь. – Она кивнула в сторону противоположной стены. – Карта висит вон там.

Прис обернулась и широко раскрыла глаза при виде огромной и очень подробной карты, занимавшей большую часть стены.

– Очень многие джентльмены пытаются найти дорогу к той или иной конюшне, так что пришлось попросить олдерменов² начертить ее для нас, – продолжала леди.

– Она не устарела?

– О нет. Секретарь совета каждый год вносит изменения. Он был здесь в июле, то есть совсем недавно.

– Благодарю вас, – кивнула Прис, одарив леди сияющей улыбкой. отошла от стойки и пересекла холл, где были расставлены стулья и низкие столы. Две пожилые леди, сидевшие в креслах, делились впечатлениями от романов. Прис остановилась около карты.

Она действительно была огромной и на диво подробной. Здесь были обозначены даже самые большие рощи на Пустоши. Она отметила лесок, где целовалась с Кэкстоном, нашла участок, где тренировалась команда Кромарти, и проследила дорожку до Суоффем-Прайор. Даже деревенский кабачок не был забыт.

Где-то между полками бродили Юджиния и Аделаида в поисках книги о Реестре пород.

Тем временем Прис отыскала на карте Кэрисбрук-Хаус, основные поместья и конефермы, окружавшие город. Запоминала названия и границы самых больших поместий, выискивала дальние сараи или заброшенные здания, которые мог использовать Рас в качестве убежища.

Она чувствовала, что он совсем близко, не в Лондоне.

Рядом с большой конефермой «Кинстер» находилось поместье поменьше, Хиллгейт-Энд. Под названием было тщательно выведено «Кэкстон». Прис отметила окружающие дороги и рощи, мысленно готовясь к неизбежной встрече с Кэкстоном.

После той истории в лесу ей даже думать об этом не хотелось. Да и риск был велик.

На время выбросив из головы тревожные мысли, она снова принялась рассматривать каждый участок Пустоши в поисках разрушенных зданий.

В этот момент звякнул дверной колокольчик, и одна из библиотекарейш радостно воскликнула:

² Члены совета графств Англии и Уэльса.

– Да это миссис Кинстер! Именно вы нам и нужны. Одна леди очень хочет побольше узнать о реестре, наверное, том самом, что хранится у мистера Кэкстона. Но у нас нет ни одной книги на эту тему. Может, вы поговорите с ней?

Прис оглянулась. Перед ней предстало видение в голубом.

Миссис Кинстер оказалась молодой, очень изящной и элегантной особой, с гривой золотистых, изысканно причесанных локонов. Рядом терпеливо переминалась девочка лет десяти.

Девочка заметила Прис и, беззастенчиво уставившись на нее, дернула мать за рукав.

Прис поспешно отвернулась к карте. Она давно привыкла быть объектом столь пристального внимания, но в этом случае, учитывая внешность матери, девочке было с кем сравнивать.

Продолжая рассматривать карту, Прис отметила, что поместье Кинстеров находится рядом с Хиллгейт-Энд, принадлежащим Кэкстону. Если это та самая миссис Кинстер, то Кэкстон – ее ближайший сосед.

За ее спиной продолжался разговор. Миссис Кинстер согласилась потолковать с Юджинией. Девочка попыталась что-то сказать матери о Прис, но быстро притихла и неохотно последовала за дамами.

У Прис оставалось несколько минут, чтобы решить, как быть дальше. Как лучше использовать возможность, предоставленную судьбой. Пусть миссис Кинстер и соседка Кэкстона, едва ли он поделится своими проблемами с посторонними людьми, хотя бы и соседями, тем более с дамами.

Так что миссис Кинстер вряд ли что-то знает о ней и о мотивах, побудивших ее и Юджинию интересоваться реестром.

Отвернувшись от карты, Прис зашагала по коридору на голос Юджинии.

– Должна признаться, – говорила миссис Кинстер, – хотя я жила в Ньюмаркете почти всю жизнь и всегда интересовалась разведением и тренировкой лошадей, все же понятия не имею, что содержится в Реестре пород. Знаю только, что все скаковые лошади обязательно регистрируются, но зачем, почему и какие детали необходимы... В голову не приходило спросить.

Завидев Прис, тетка улыбнулась:

– А, вот и ты, дорогая. Миссис Кинстер, это моя племянница, мисс Даллинг. Она так заботливо помогает мне найти ответы на все вопросы, – объявила она, обращаясь к златовласой красавице.

Миссис Кинстер обернулась и окинула ее невинным взглядом ясных голубых глаз. Однако Прис успела заметить, что за этой чистотой и прозрачностью скрывается острый и наблюдательный ум.

Прис с улыбкой присела в реверансе и взяла протянутую руку миссис Кинстер.

– Рада познакомиться, мэм.

Улыбка миссис Кинстер стала еще шире. Прис отметила, что она совсем невелика ростом: на несколько дюймов ниже ее самой.

– Поверьте, я просто счастлива, мисс Даллинг. Ненавижу узнавать новости задним числом, особенно в Ньюмаркете. А вы, очевидно, и есть та леди, которую характеризуют как «поразительно, необычайно, невероятно красивую». Я посчитала описание несколько преувеличенным, но теперь упрекаю себя за неверие. – Судя по блеску глаз, комплимент был искренним. – Я тут подумала... – Обведя взглядом новых знакомых, миссис Кинстер вопросительно подняла брови. – Я хотела бы ввести вас в местное общество: насколько я поняла, вы совсем недавно живете в Кэрисбрук-Хаус, но при этом упорно избегаете бывать в собраниях; это никуда не годится! Кроме того, хотя среди наших дам скачки вовсе не являются основной темой бесед, все же многие из нас немало знают о лошадях. И вы, леди Фаулз, сумеете многое почерпнуть из разговоров с ними. Кстати, сегодня я пригласила гостей на чай, и вы доставите мне огромное удовольствие своим присутствием. Пожалуйста, скажите, что приедете!

Юджиния нерешительно посмотрела на Прис. Та, поколебавшись, едва заметно кивнула.

– Вы оказали мне большую честь, дорогая. Должна сказать, довольно утомительно целыми днями сидеть, зарывшись в книги, без развлечений.

– Совершенно верно! И я очень рада!

Миссис Кинстер, просияв, назвала адрес, подтвердив этим, что она действительно хозяйка известного поместья Кинстеров, где разводили чистокровных лошадей. А это означало, что ее муж почти наверняка знает, какие детали необходимы, чтобы внести лошадь в Реестр пород.

У Прис впервые за эти дни затеплилась надежда.

Миссис Кинстер распрощалась и позвала дочь:

– Пойдем, Пру!

Прис весело глянула на девочку, но улыбка замерла на губах при виде жестких, пронизательных голубых глаз. На лице девочки промелькнуло выражение восторженного ожидания.

Прис недоуменно моргнула. Но Пруденс широко улыбнулась в ответ, повернулась и последовала за матерью.

Прис подхватила под руки Юджинию и Аделаиду и направилась к выходу. Почему у Пруденс Кинстер такой выжидательный вид?

У Прис тоже были младшие сестры, да и сама она совсем недавно носила короткие платья. И помнила, какие темы больше всего волнуют девочек такого возраста.

Она решила, что совсем неплохо посетить миссис Кинстер, но осторожность не помешает.

Глава 5

Четыре часа спустя Прис с уверенностью могла сказать, что вполне довольна своим дебютом в обществе Ньюмаркета. Она изображала типичный «синий чулок»: простое платье из твила в серую и белую полоску, затянутые в узел волосы – словом, скромно и прилично.

Собрание у Кинстеров оказалось многолюднее, чем она ожидала: стайка молодых дам и довольно большое количество холостых джентльменов гуляли по газону рядом с домом под зоркими взглядами матрон и дам постарше, удобно рассевшихся под деревьями.

– Спасибо, леди Кершо, – пробормотала она, приседая. – С нетерпением жду встречи с вами завтра вечером.

Леди Кершо надменно кивнула, и Прис благодарно улыбнулась в ответ.

Приглашения на ужины и вечеринки были неизбежным следствием. Большая часть приглашенных так или иначе имеет отношение к миру скачек, и Прис, подражая Юджинии, стала принимать любые приглашения, от кого бы они ни поступали. Кто знает, откуда может исходить необходимая им информация? Общение со сливками здешнего общества не составляло труда.

Как только женщин представили гостям, они разошлись в разные стороны. Аделаида присоединилась к кружку девушек помоложе. В ее задачу входило узнать, нет ли в округе заброшенных домов и конюшен, и Аделаида с радостью взялась за дело.

Тем временем Юджиния, как и подобает чудаковатой немолодой леди, пыталась разузнать о реестре. К сожалению, говорить исключительно об этом было невозможно; когда Прис в очередной раз проходила мимо, Юджиния обменивалась новостями о последнем лондонском скандале.

Остановившись у края газона, Прис обвела взглядом собравшихся гостей. Ей предстояло вовлекать в беседу дам и джентльменов постарше, чтобы вытянуть все возможные сведения. Она стойко играла роль «синего чулка», отвечая на комплименты своей красотой непонимающими или нескрываяемо мрачными взглядами. Надежды на наряд не оправдались, зато манеры вполне подходили ученой даме. Кроме того, она уже успела заработать репутацию строгой и неприступной особы: комплименты становились все более изысканными, и молодые дамы взирали на нее с интересом и скрытой ревностью.

Ей не терпелось найти достойного собеседника.

Какое-то движение в гостиной привлекло ее внимание.

Ощувив чей-то внимательный взгляд, она поежилась, но постаралась убедить себя, что ни Кэкстон, ни его приятель Адэр не подумают явиться сюда.

Всмотревшись повнимательнее, она различила силуэт мужчины, ступившего на крыльцо. Темные локоны, грациозная походка...

Прис, тихо выругавшись, направилась к гостям.

Диллон увидел, как она смешалась с толпой, и помедлил, рассчитывая лучший способ атаки.

Последние три дня он почти все время думал о мисс Даллинг. Большею частью это были мысли личного характера. Хотя он не исключал ее участия в аферах. Он понимал, что необходимо завоевать ее доверие и узнать все, что ей известно, а для этого все средства хороши. Открыто ее преследовать он не решался.

После их последней встречи он вообще не был уверен, что хочет вступить с ней в какие-то отношения.

Рядом с ней он просто голову терял! Ни одна женщина так не искушала его! Во время той встречи в лесу он обнаружил в себе черты характера, о существовании которых раньше понятия не имел.

Он всегда считал, что умеет держать себя в руках, не давая волю чувственности, не сдаваясь на милость страсти, не становясь жертвой неумолимой потребности, впивавшейся в душу, теребящей сердце. В обществе Прис он понял, что ошибается.

Совсем не утешительная мысль, особенно если вспомнить, что ему нужно убедить ее поделиться своими тайнами. Обольщать ее, зайти как можно дальше означает подвергнуть суровому испытанию самоконтроль.

И все же ее мгновенная реакция на его появление, инстинктивное желание искать убежища среди толпы заставили его улыбнуться. Хищная сторона его натуры распознала причину ее побега. Может, надежда все-таки есть?

– Вот ты где!

Обернувшись, он увидел идущую навстречу Флик. Привстав на носочки, она поцеловала его в щеку и прошептала:

– Она вон там, с Элкоттами, видишь?

– Да.

Флик прислала записку с сообщением, что мисс Даллинг и ее тетка приглашены на сегодняшний чай.

– Давно они тут?

– Немногим более часа, так что времени у тебя хоть отбавляй. Кстати, не хочешь познакомиться с тетусшкой?

– Почему бы нет? А после этого попытайся расчистить для меня дорожку, – попросил Диллон, стараясь не замечать откровенно жадных взглядов в свою сторону. – Меня абсолютно не интересуют милые молодые леди... если не считать мисс Даллинг.

Флик, усмехнувшись, взяла его за руку.

– Милой ее не назовешь, но она по крайней мере занимательна. Однако, дорогой мой, я очень боюсь, что здесь находится много дам, чей интерес ты игнорировать не сумеешь.

Диллон застонал, но сдался и позволил увести себя к ожидавшей толпе. Обменялся приветствиями со знакомыми дамами, расцеловал ручки дочерей, без труда сохраняя обычное равнодушие. Прис постоянно переходила с места на место, явно избегая его. Очевидно, приняла предостережение близко к сердцу. Как заманить ее поближе?

Но тут Флик подвела его к пожилой даме, сидевшей рядом с леди Кершо.

– А это леди Фаулз. Она с племянницей и крестницей решила провести несколько недель в Ньюмаркете. Позвольте представить моего кузена, мистера Диллона Кэкстона. Диллон – хранитель знаменитого Реестра пород.

– Неужели? – оживилась леди Фаулз, хищно блеснув пронизательными серыми глазами. Диллон покорно склонился над ее рукой.

– Я много слышала о вас, молодой человек. От своей племянницы. Как неучтиво с вашей стороны не открыть ей того, что я так хотела узнать.

Улыбка дамы лишила слова оскорбительного смысла. Диллон с ответной улыбкой выпрямился.

– Боюсь, многие детали реестра остаются тайной для посторонних.

Интересно, знает ли ее милость о ночных приключениях племянницы? Вряд ли: несмотря на репутацию чудачки, леди Фаулз казалась абсолютно нормальной. Однако устроила ему настоящий допрос относительно реестра. Он отделался ничего не значащими фразами, перечислив всем известные правила «Жокей-клуба». Учитывая долгое сотрудничество с клубом, он мог совершенно механически читать их наизусть, думая при этом о мисс Даллинг. Но пока приходилось воодушевленно беседовать с ее теткой. Пусть мисс Даллинг стораит от любопытства.

Интуиция подсказывала ему, что она рядом. Так и оказалось. Леди Фаулз посмотрела куда-то мимо него и просияла:

– А, вот и ты, дорогая. Я пыталась получить информацию о реестре у мистера Кэкстона. Диллон обернулся к мисс Даллинг. Она настороженно стояла в нескольких шагах от него.

– Мистер Кэкстон, – холодно пробормотала она, приседая. Диллон поклонился.

– Почему бы тебе, дорогая, не попробовать ослабить его решимость? – предложила ее милость.

Диллон, скрывая удовлетворение, смотрел на свою добычу и испытывал к ней нечто вроде сочувствия. Подумать только, безжалостная тетка бросила племянницу на съедение львам.

– Вряд ли это возможно, тетя, – поджав губы, процедила она, ожидая, что он распрощается и откланяется.

Но Диллон очаровательно улыбнулся, словно плененный ее красотой. Только ее не одурачишь! Внезапное подозрение вспыхнуло в изумрудных глазах.

– Я знаю, с каким рвением вы стараетесь утолить жажду знаний вашей тетушки, мисс Даллинг, – заметил он, предлагая ей руку. – Может, нам тоже стоит прогуляться? Вы сможете испытать на мне свои чары. Кто знает, что из этого получится?

Она взглянула на его руку, как на ядовитую змею, готовую наброситься и укусить.

– Э... хорошо, – пробормотала она нерешительно. – Прогулка... весьма приятное занятие.

Она положила пальчики на его рукав, и он с трудом подавил желание накрыть их своей ладонью.

Они отошли от леди Фаулз и леди Кершо, и Диллон повел ее к дальнему концу газона.

– Давайте пойдем туда.

Мисс Даллинг кивнула.

Здесь было меньше людей. Он провел ее сквозь толпу, избегая взглядов тех, кто хотел остановить их и завести разговор.

– Скажите, мисс Даллинг, что подогревает интерес вашей тетушки к реестру?

– Возможно, вы не поверите, но моя тетушка – человек одержимый. И если чего-то захочет, значит, всеми силами будет добиваться, пока не удовлетворит любопытство.

– В данном случае ей придется отступить, ибо эти сведения не подлежат публичному разглашению.

– Вряд ли это можно назвать публичным разглашением. Не понимаю, почему...

Она осеклась.

Он всмотрелся в нее. Лицо девушки было почти бесстрастным, но глаза чуть расширились: вероятно, ее осенила какая-то догадка. Напряжение явно спало. Тело расслабилось, стало более гибким. Значит, она готовилась к атаке.

– В таком случае объясните мне... – Она посмотрела ему прямо в глаза. – Почему эти детали являются такой тайной?

Он опустил голову и промолчал. Занятая разговором, она не заметила, как он свернул на обсаженную тисами дорожку, ведущую к конюшням.

– Эти детали можно использовать для фальсификации скачек.

Мисс Даллинг нахмурилась:

– Значит, информация используется, чтобы... каким-то образом придать аферам видимость законности?

И тут Диллон отбросил всякое притворство.

– Давайте заключим сделку. Если скажете, почему так добиваетесь возможности просмотреть реестр, я вам все объясню.

Несколько напряженных мгновений она молчала, после чего отвернулась.

– Я устала повторять, что все дело в тетушке. Она желает знать... Вы говорили с ней и удостоверились, что это правда.

В голосе слышались нетерпеливые нотки.

Диллон вздохнул про себя. Деймон прав. Единственная возможность узнать ее тайны – завоевать доверие.

А единственный надежный и верный способ завоевать доверие – соблазнить ее.

Действовать надо поскорее.

Повернув Прис лицом к себе, он поймал ее руки и стал теснить к густым кустам живой изгороди. И только потом подступил ближе.

Ее глаза расширились. На какое-то неуловимое мгновение она растерянно посмотрела на него.

– Какого черта вы тут вытворяете? – прошипела она раздраженно.

Ее надменность подействовала, как острые шпоры на коня. Наклонив голову, он обернул вокруг пальца густой темный локон, выскользнувший из тугого узла.

Она затаила дыхание. Диллон поймал ее ошеломленный взгляд, потом осторожно обвел контуры ее лица указательным пальцем.

В изумрудно-зеленых глазах вспыхнуло желание. Она безуспешно попыталась подавить дрожь. Он увидел, как опустились ее веки.

Только святой не подвинулся бы ближе, пока между телами не осталось и ничтожного дюйма. А он уж точно не был святым и упивался своими ощущениями.

Следующие слова он прошептал ей в губы:

– Думаю, вы настолько одержимы деталями реестра, что попробуете убедить меня.

Черные ресницы взлетели вверх. Глаза, смотревшие на него, не были затуманены желанием: в них сверкала ярость, смертоносная, как острие шпаги.

– Что же случилось с... – Ее голос изменился: передать тембр она не смогла, зато интонации ей вполне удалось. – «Мисс Даллинг, если в вас осталась хотя бы капля самосохранения, больше не пытайтесь обвести меня вокруг пальца, используя себя в качестве наживки...» Или это не ваши слова?

Он спокойно выдержал натиск ее гнева, прежде чем пожать плечами и перевести взгляд на два соблазнительных холмика, вздымавшихся над круглым вырезом платья.

– Я передумал. Ваши прелести слишком заманчивы. В тот раз я чересчур поспешил, действуя под влиянием момента. Так уж получилось.

Ее глаза превратились в узенькие щелки. Несколько мгновений она изучала его, прежде чем сухо констатировать:

– Вздор и абсурд.

Пока он придумывал ответ, она с силой оттолкнула его. Диллон от неожиданности отступил. Она обошла его и направилась по дорожке, но тут же в нерешительности остановилась и оглянулась.

– Где мы?

Он показал на здания в конце тропинки:

– Конюшня моего зятя. Учитывая огромный интерес вашей тети к скачкам, я предположил, что конюшня лучшего коннозаводчика в Англии может представлять для вас некоторый интерес.

Она молчала. Он уже подумал, что она решает, стоит ли принять его предложение. В этом случае они проведут больше времени в уединенном месте...

Но тут она резко тряхнула головой.

– В данный момент моя тетя одержима лишь желанием увидеть реестр, и мне хотелось бы ей помочь.

– Но я именно это и предлагал.

Она обдала его испепеляющим взглядом.

– Серьезно ожидаете, что я поверю, будто у меня есть какие-то шансы «убедить» вас, невзирая на количество времени и энергии, которые на это потребуются?

Они вернулись на газон. Он остановился, поймал ее взгляд и намеренно издевательски спросил:

– Откуда вам знать, пока не попробуете?

Она презрительно фыркнула... Но все же задумалась. Он оставался неподвижным, спокойным, бросая вызов, но не угрожая.

Наконец она вскинула подбородок.

– Желаю вам доброго дня, мистер Кэкстон.

Судя по тону, она искренне желала ему свалиться в болото на обратном пути. Диллон улыбнулся и изящно склонил голову.

– Мисс Даллинг... – Он подождал, пока она, высоко вскинув голову, отвернулась, и тихо добавил: – До следующей встречи.

Она на миг застыла, прежде чем молча удалиться.

Диллон видел, как она подошла к тетке и что-то прошептала ей на ухо. Он предпринял стратегическое отступление на конюшню, раньше чем одной из дам удалось привлечь его внимание.

Он не желал рисковать, поэтому наутро собрал всех клерков и распорядителей скачек и объявил, что их служба зависит от того, насколько стойко они смогут противостоять попыткам подкупа и просьбам показать хотя бы страничку Реестра пород или Книги родословных.

Позже он отчитался перед комитетом.

Он не упомянул мисс Даллинг.

Она была явно замешана в чем-то, но он не знал, в чем именно и почему она охотится за реестром. Вряд ли она, а тем более ее тетка способны каким-либо образом участвовать в аферах со скачками.

Отныне Диллон целыми днями встречался с владельцами, тренерами, жокеями, городскими олдерменами и различными завсегдатаями скачек.

С нетерпением ожидая возвращения Барнаби, гадал, сумеет ли тот добыть нужные сведения.

Время от времени Диллон вспоминал о мисс Даллинг, о той короткой беседе на обсаженной тисами дорожке. Опыт подсказывал ему, что очень немногие дамы способны легко сбросить его чары, особенно оставшись с ним наедине.

Не так она должна была отреагировать. Не так...

Когда он коснулся ее, она откликнулась с истинным пылом, более страстно, чем остальные, и все же не потеряла головы, не лишилась самообладания, сумела увидеть его насквозь.

Он поймал себя на мысли о том, каково будет держать ее в объятиях во время вальса... как она отзовется...

Флик была права. Пусть мисс Даллинг не назовешь милой, но она определенно занимательна. Пожалуй, стоит еще раз забросить удочку.

Ему не терпелось вновь встать у нее на пути этой ночью.

Обозревая бальный зал леди Кершо, Прис чувствовала, как уходит напряжение.

Джентльмены оценивающе разглядывали ее, но она почти не обращала на них внимания: этих она не боялась. И даже не была уверена, что опасается Кэкстона так сильно, как он воображал. И он не сможет заставить ее рискнуть. Даже несмотря на беспокойство за Расу.

Этим утром она вернулась в библиотеку и расспросила даму за стойкой. Та подтвердила, что на карте не показаны заброшенные здания. Она так и подозревала, и все же это стало ударом.

Патрик узнал, что Рас не садился ни в один из дилижансов, идущих до столицы, и не нанимал экипажа. Значит, Рас, как она и думала, все еще скрывается в округе. Ему грозит опасность, не только от Харкнесса, но и от всех, кому не терпится получить награду.

И все же в Ньюмаркете кто-то владеет информацией, которую ей необходимо получить.

Расхаживая среди гостей, Прис обменивалась приветствиями с теми, кого помнила по встречам у миссис Кинстер, и позволяла им представить ее остальным.

Она всеми силами поддерживала имидж серьезной, хоть и красивой девицы, «синего чулка», и для этого даже накинула на модное темно-зеленое платье, оголявшее плечи, черную вязаную шелковую шаль и завязала узлом на груди. Длинная бахрома скрывала почти всю фигуру, приглушая яркие оттенки платья. Впечатление строгости поддерживалось также длинными темными перчатками. Роскошные волосы снова были стянуты тугим узлом.

Улыбаясь, Прис продолжала разгуливать по комнате, уделяя внимание исключительно джентльменам. Те, очарованные ее красотой и манерами, наперебой старались произвести впечатление на девушку своими познаниями в скачках.

Дамы, услышавшие об увлечении ее тетки, переводили беседу на реестр, и она поняла, что не мешает расширить кругозор. Замечания Кэкстона относительно этого предмета были довольно скудными, и теперь она слушала каждого, кто мог описать, что происходит в конце скачек: как поощряют победителей, каковы правила выдачи выигрышей.

Примерно через час упорных расспросов она с восторженной улыбкой отвернулась от двух дородных джентльменов, рассказавших ей о распорядителях скачек и их роли в проверке победивших лошадей.

– Распорядители все равно ничего не скажут: не трудитесь и спрашивать.

С трудом подавив вопль, она едва не отскочила... Он буквально навис над ней! Сердце укатилось куда-то в пятки; пришлось немного подождать, прежде чем оно успокоится.

И все потому, что его дыхание чуть пошевелило крошечную прядку у нее на виске.

Прерывисто вздохнув, она подняла подбородок и обожгла его смертоубийственным взглядом.

Но он широко улыбнулся.

Ей очень хотелось смахнуть слезу... но она удержалась. И эта его улыбка казалась искренней, чистосердечной.

– Вы подслушивали.

Протянув руку, он сжал ее ладонь.

Она понятия не имела, почему даже не пытается вырваться и убраться от него подальше.

Он положил ее руку себе на рукав.

– Вчера я сказал вам больше, чем следовало. Вам слишком легко досталось это знание. Если желаете узнать побольше, придется поработать.

– Вчера я даже не была...

Она осеклась. Взглянула на него.

Он перехватил этот взгляд, вернул его с понимающей, слегка надменной улыбкой. Она посмотрела вдаль. Пусть вчера она не пыталась выманить у него сведения, все же он сам сказал ей кое-что. Вполне намеренно. Неужели действительно готов выдать секреты в обмен на...

В таком ли она положении, чтобы игнорировать предложенную сделку?

Но едва музыканты заиграли вальс, он крепче сжал ее руку и повел в центр зала.

– Пойдемте танцевать.

Она слегка пожала плечами, радуясь, что можно оттянуть неприятный момент, и тут же оказалась в его объятиях.

Он стиснул ее пальцы; теплая твердая ладонь легла на талию. Прис судорожно втянула в себя воздух, ощутила внутренний трепет, но тут же решительно взяла себя в руки. Устре-

мив взор в какую-то точку за его плечом, она старалась сосредоточиться на танцевальных па, понимая, что все бесполезно.

Он без всяких усилий кружил ее по залу, и ощущение счастья захлестнуло ее. Жар разливался по телу.

На очередном повороте их глаза встретились. И снова манящая, обольстительная, но искренняя улыбка словно лишила ее рассудка.

Она не могла отвернуться, освободиться из сладкого плена, выпутаться из чувственной паутины, в которую превращался танец.

Темные глаза медленно теплели, словно его снова втянул водоворот бурного желания. Прис задышалась от счастья.

Кружилась голова, нервы были на пределе. Как тогда в лесу, когда он первый раз поцеловал ее.

Должно быть, в ее лице что-то мелькнуло: недаром его взгляд остановился на ее подрагивающих губах.

Он пробормотал что-то тихо. И вместо того чтобы освободить ее, только крепче сжал руку и оглядел зал.

Она облизнула губы. Похоже, сегодня ее мозг работал чрезвычайно медленно. Прис подозревала, что если бы он функционировал нормально, она давно попыталась бы сбежать. Что-то удерживало ее рядом с человеком, которого она считала олицетворением опасности.

– Сюда, – велел Диллон, беря ее под руку. Леди Фаулз увидела, как они танцевали, и, благосклонно улыбаясь, вернулась к разговору. Хорошо, что мисс Даллинг так независима: никто не поднимет брови вслед удалявшимся из зала молодым людям.

Но вместо того чтобы направиться к террасе, как остальные парочки, он вывел ее в коридор, где не было ни души.

Диллон бывал у Кершо с раннего детства и хорошо знал все уголки дома. Редко посещаемая оранжерея в конце коридора, подальше от бального зала – идеальное место, в котором можно без помех ухаживать за мисс Даллинг...

Ведя ее по коридору, игнорируя слабое: «Куда мы?» – он остановился перед стеклянными дверями оранжереи, широко их распахнул и втащил ее внутрь.

– Мистер Кэкстон...

– Диллон. Если мы собираемся убеждать друг друга, это лучше делать наедине и при этом обращаться друг к другу по именам. – Продолжая вести ее между густыми зарослями, он обернулся: – Как вас зовут?

Она нахмурилась, сощурила глаза, но все же буркнула:

– Присцилла.

Его губы насмешливо дернулись.

– А как вас зовет брат? – неожиданно спросил он и, не дождавшись ответа, предположил: – Прис?

Она не стала ничего отрицать. Только растерянно огляделась, сообразив, что из коридора их не видно и вокруг – ни души.

Здесь не горели лампы, но лунные лучи проникали сквозь стеклянную крышу, создавая нечто вроде неверного освещения. Прис посмотрела в сторону сада, темневшего за стеклянными стенами, но экзотическая растительность скрывала и их. Прис строго свела брови.

– Мистер Кэкстон, не знаю, к каким методам «убеждения» вы собрались прибегнуть, но я все же попросила бы проводить меня назад в бальный зал.

Очевидно, пожатие руки не произвело ожидаемого действия. Диллон вздохнул, отпустил ее руку, потянулся к Прис и рывком привлек ее к себе.

Глава 6

Она, охнув, упала ему на грудь. Ему не было нужды смотреть в широко раскрытые изумрудные глаза, чтобы понять, какой пожар желания немедленно охватил ее. Этот пожар сжигал и его.

Сцепив руки кольцом, прижимая ее к себе, он наклонил голову и завладел полуоткрытыми губами. Пробился языком в пещерку рта и стал исследовать, завладевать, завоевывать, дразнить, пока ее руки не запутались в его волосах. Губы отвердели, тело напряглось, языки встретились: огонь и страсть.

Напомнив себе, что на этот раз он не должен забываться, ни в коем случае не должен забываться, что этим поцелуем он преследует определенную цель, не имеющую ничего общего с нарастающим наслаждением, что, как только она окончательно потеряет разум и, по его прикидкам, отбросит всякую сдержанность и отбросит всякие сомнения относительно столь опасного флирта, он мысленно отстранится, чтобы как можно точнее оценить ее состояние.

Ему необходимо очаровать ее, довести до безумия, поднять до тех высот чувственности, где ожидание следующего прикосновения, нового ощущения станет единственным смыслом жизни. Хорошо ли она сознавала, чем рискует, встречаясь с ним, чтобы он без помех смог ее увлечь в царство ошеломляющей, мучительной потребности?

Оставалось молиться, чтобы она не догадалась, что он рискует не меньше.

Но Прис уже почувствовала его отчужденность. И посчитала ее осторожностью. Запоздалым осознанием того, что чересчур сильный жар, чересчур безоглядная страсть опасны.

Напрасно.

Она дерзко прильнула к нему, так что их тела впечатались друг в друга. Если он воображал, что сможет подразнить ее, предложив всего лишь крошечный глоток наслаждения, а потом отпрянуть и поманить ее новыми ласками, это ему не удастся.

Крошечная часть еще функционировавшего сознания подсказывала, что подобная реакция с ее стороны по меньшей мере безрассудна. Но ей было все равно. Он обнял ее еще крепче, и она едва не задохнулась от счастья. Его ладони легли ей на спину... и тут он заколебался.

Но она стала жадно целовать его, поддаваясь искушению, которым он ее манил. Диллон пытался держаться отстраненно. Отчужденно. Холодно. Но выдержать это долго не было возможности, и он стал отвечать.

Пылко. Исступленно. Яростно.

Его ладони затвердели, скользнули ниже, сжимая ее бедра.

Прис едва не потеряла сознание, когда он стал безжалостно целовать ее, завладев всеми чувствами, смело увлекая в самый центр бушующего урагана страсти.

И удерживал ее там, пока чувственные ветра уносили ее, терзали нервы, разум, искушая и обещая.

Когда он чуть приподнял голову, ровно настолько, чтобы вымолвить слово, обдавая горячим дыханием ее обожженные губы, она продолжала лгнуть к нему, цепляться за остатки разума, все еще крутясь в водовороте нарастающей потребности.

– Ты нашла команду, которую искала?

Слова, лишённые смысла, не оставляли следа в мозгу. Она моргнула... осознала... вспомнила.

– Э... нет.

Он снова поцеловал ее, возродив угасающее пламя, пока каждый нерв не отозвался на ласку, пока бурливший в венах жар не сгустился. Пока мир не исчез за туманом желаний и на всей земле остались лишь они вдвоем.

Снова подняв голову, он прикусил ее нижнюю губу, слегка потянул, отпустил и пробормотал:

– Оберегаешь своего брата?

На этот раз она дольше собиралась с мыслями, дольше искала в себе силы мыслить здраво. Она попыталась нахмуриться, но ничего не получалось. Ресницы чуть затрепетали, словно она мучительно искала нужные слова... Нет? Да?

И только потому, что не успела решить, нашла время сосредоточиться и сообразить, что он задумал. Усилия, потребовавшиеся, чтобы порвать чувственную паутину, ослабили ее. Прис едва не упала. К счастью, он все еще держал ее.

– Понятия не имею, о чем вы.

Ее ответ был лишен убедительности, но и этого оказалось достаточно, чтобы он раздраженно вздохнул.

Она едва не улыбнулась, но тут Диллон снова поцеловал ее. На какой-то долгий момент она, не сопротивляясь, позволила увлечь себя в золотистые волны желания, после чего мысленно отстранилась и, в свою очередь, прошептала:

– Что находится в конфиденциальном разделе реестра?

Единственным ответом было проклятие. Она широко улыбалась, когда он снова поцеловал ее. Но на этот раз все было по-иному. Теперь она не даст ему взять над собой верх, выпытать ее тайны.

Она было снова отстранилась, но тут же передумала и прильнула к нему. Позволила его вздыбленной плоти вжаться в свой живот и вальяжно, как кошка, стала тереться о его бедра своими.

Он задохнулся, закрыл глаза, как от боли.

Очередной способ убеждения.

Она искусно ласкала его, пустив в ход все приемы обольщения.

– Каким образом эти конфиденциальные детали помогают разоблачить аферы на скачках? Это какой-то способ описания? – мягко, почти нежно поинтересовалась она, по опыту зная, как разительно действует подобный тон на мужчин. Правда, раньше она никогда не пользовалась своим телом, своим голосом намеренно. И она испытала невыразимое удовольствие, когда он мрачно проворчал:

– Именно.

И осекся. К ее полнейшему восторгу, он сражался сам с собой.

– Большого я открыть не могу.

Может. Если захочет.

Она положила ладони ему на плечи и уже хотела погладить грудь, когда он опустил глаза.

– В жизни не видел шали уродливее!

Дернув за узел, Диллон развязал шаль, и прежде чем она успела подхватить скользкий шелк, он упал на пол, обнажив плечи Прис, настоящей Прис, затянутой в темно-зеленое платье, с откровенным вырезом. И хотя в ее наряде не было ничего непристойного, у нее перехватило дыхание и сердце тревожно забилось. Он смотрел на нее: на грудь, вздымающуюся над низко опущенным, прямым краем лифа. На обнаженную белоснежную кожу... И в глазах пылало пламя. И его взгляд тоже ласкал, как это пламя. Касался. Гладил. Угрожал поглотить.

И прежде чем она успела совершить разумный поступок и отступить, он поднял руки и почти благоговейно сомкнул пальцы вокруг упругих холмиков.

Ощущения, острые, неопишимо шокирующие, пронзили ее.

Колени подогнулись.

Он обхватил ее, прижал к себе и снова стал ласкать. Прис с шумом выдохнула и закрыла глаза, но тут же, вынудив себя поднять отяжелевшие веки, взглянула в его лицо. Некое неясное

выражение промелькнуло и исчезло: в слабом свете было невозможно определить, о чем он думает.

Куда легче оказалось почувствовать его физическую реакцию: внезапно застывшие стальные мышцы, бугрившиеся на спине, тонкую линию губ.

Еще легче было ощутить, как он очарован телом, упругой плотью, которую мяли его ладони, набухшими сосками, которые нашли его ловкие пальцы.

Потом он снова приник к губам Прис, безжалостно бросив ее в омут желаний, в огонь, угрожавший пожрать Прис... если она капитулирует. Окончательно потеряет рассудок.

Позволит ему взять над собой верх.

Но она знала, что не сумеет. Не сможет. Не посмеет. Не станет рисковать.

Поцелуй превратился в битву характеров, умов, в дуэль чувств. Он наступал, она парировала каждый удар, пытаясь уберечь разум от обольстительной игры его пальцев на груди.

Когда она воспротивилась чувственному выпадку его бедер, свободная рука Диллона скользнула по ее спине к бедрам и ягодицам. Сжала соблазнительное полушарие и стала мять, одновременно прижимая ее бедра к мужской плоти.

Он настоящий дьявол. Искушенный дьявол. Не привыкший к отказам. И имел в своем арсенале куда больше оружия, чем ей представлялось. И все это время вовсе не собирался терять самообладание, хотя всячески убеждал ее в этом. Но, судя по нежеланию пустить в ход более мощное оружие, которым Диллон, несомненно, обладал, сейчас он ступал по такому же тонкому льду, что и она.

Она сжала ладонями его лицо и поцеловала, смело встречая очередной выпад языком и с бесшабашным самозабвением втягивая этот язык как можно глубже.

Его самоконтроль явно пошатнулся.

Она вдруг обнаружила, что привела их обоих к самому краю чувственной пропасти и теперь они балансируют над обрывом.

Но у нее не осталось сил оттащить их в безопасное место.

Так же, как и у него.

Его руки вдруг стали еще более требовательными.

– Да, Милдред, уверяю, концы ее лепестков ярко-фиолетовые.

Надменный тон леди Кершо невозможно было спутать ни с каким иным. Резко выдернутая из чувственного тумана парочка замерла. Оба мгновенно отрезвели, осторожно, едва двигаясь, оборвали поцелуй, после чего подняли головы и огляделись.

– Это здесь. Прямо у окон.

Молодые люди не шевелились. Громкое постукивание каблучков и шелест шелковых юбок указывали на то, что леди Кершо ведет сюда какую-то гостью.

Прис затаила дыхание, почувствовала, как он сжимает ее талию, готовый, если понадобится, толкнуть ее себе за спину. Но леди Кершо и миссис Элкотт, занятые горячим спором о каком-то цветке, прошли мимо, не заметив их.

Прис глянула на Кэкстона... Диллона. Он поймал ее взгляд, приложил палец к губам, нагнулся и подхватил с пола ее шаль.

Прис перекинула шаль через руку. Диллон указал в глубь прохода и потянул ее за собой. Она шла на цыпочках.

В конце прохода он повернул направо, в очередной проход, который шел вдоль стеклянной стены, к дому. Диллон неожиданно остановился у невысокой двери, открыл, выглянул и снова повел ее за собой. Они оказались в небольшом фойе, соединявшем дверь оранжереи с коридором, ведущим в бальный зал. Прис облегченно вздохнула. Хорошо, что они не оказались в очередном уединенном уголке дома!

Встряхнув шаль, она накинула ее на плечи и снова завязала концы между грудями, закрыв свой смелый вырез. Но случайно подняла глаза и заметила брезгливую гримасу Диллона Кэкстона. В ответ на ее вопросительный взгляд тот пожал плечами:

– Не важно. Не обращайтесь внимания.

С этими словами он повел ее обратно в коридор. Они молча вернулись в бальный зал. Но прежде чем переступить порог, он сжал ее локоть.

Она вопросительно уставилась на него.

– Скажите, почему вам необходимо это узнать, и я отвечу на все ваши вопросы, – тихо пообещал он.

Немного помедлив, она так же тихо ответила:

– Я подумаю.

И спокойно вошла в зал.

Она пересекла на своей кобылке Пустошь, затерянную в тумане раннего утра. По пути она встретила немало всадников, тренировавших лошадей в этот холодный день. Снова в мужском костюме, с низко надвинутой на глаза шляпой и широким шарфом, в котором можно было прятать лицо, она постепенно приближалась к участку, на котором тренировалась команда лорда Кромарти.

Как она узнала, Пустошь принадлежала «Жокей-клубу» и предоставлялась для тренировок всем командам, заявленным на скачках.

Она продвигалась все дальше, молясь, чтобы Рас воспользовался густым туманом, чтобы проследить за лошадьми Харкнесса и лорда Кромарти. Наблюдение за командами не поощрялось.

Ей было над чем задуматься. Когда Диллон Кэкстон пообещал ответить на любой вопрос, если она объяснит, почему ее так интересуют реестр, Прис на какой-то момент захотелось, чтобы он заговорил о других вещах. Более личных.

Не хватало еще влюбиться в проклятого англичанина, особенно такого, который не погнушался допрашивать ее, предварительно доведя до безумия.

Иногда, чтобы получить сведения, человека приходится напоить. Он пытался заставить ее опьянеть от желания. Отравил чувственным наслаждением. Подонки! Ко всем ее заботам не хватало только этой! Она не понимала, почему так восприимчива к его «убеждениям», его театрально-красивой внешности, а ведь привлекательные мужчины неизменно наводили на нее скуку.

Ее не отпускала тревога: если он вознамерится обольстить ее, она вряд ли сможет устоять. Воспротивиться ему или своим чересчур пылким желаниям.

В следующий раз...

Нервы натянуты, как струны. Чем дольше она остается в Ньюмаркете, чем больше времени уходит на розыски Расы, тем неизбежнее становится перспектива «следующего раза». Кэкстон станет преследовать ее, пока она не перестанет противиться его вопросам. И ему тоже.

Она не настолько неопытна, чтобы не сознавать: похоть, которой он пытается затуманить ее разум, вполне реальна.

Голова вновь пошла кругом. От лихорадочного ли предвкушения или от предчувствия страха? Она не знала и не хотела знать.

Пробормотав очередное проклятие, она выбросила из головы неприятные мысли и взглядела в даль. Похоже, она почти на месте.

Сквозь туман виднелись силуэты лошадей. Конский топот неприятным гулом отдавался во влажном воздухе. Ржание заглушало резкие команды и поспешные ответы. Девушка прислушалась, различая знакомый ирландский говор.

Но вместо ожидаемого облегчения она еще больше насторожилась и, придерживав кобылку, медленным шагом обошла участок, где тренировались лошади Кромарти. При этом она старалась, чтобы ее не увидели. Туман одновременно и помогал, и мешал: когда он немного рассеялся, она поняла, что подошла слишком близко к галопирующим коням. Пониже опустив голову, Прис направилась к большой роще. И снова посмотрела вперед. На дальнем конце рощи она рассмотрела одинокого всадника. Темные волосы, хорошая посадка. Он пристально глядел в гущу деревьев... или пытался различить между ними лошадей?

Незнакомец был слишком далеко; она не могла определить его рост и сложение, и все же...

На миг в ней разгорелась надежда, но тут мужчина повернул голову и увидел ее.

Ледяной ужас сковал сердце девушки.

Мужчина выругался и поднял руку.

Проглотив вопль, девушка пригнулась и ударила каблуками в бока кобылы. Над головой просвистела пуля, с тонким воем канувшая в туман; через секунду раздался грохот выстрела.

Испуганная кобыла мчалась через поле параллельно роще. Мимо мужчины... но Прис так и не удалось хорошенько рассмотреть его на скаку. Всего лишь тень, скрытая белесым туманом... Тень, вынимающая из сумки еще один седельный пистолет.

Она летела прямо на команду лорда Кромарти. Лошади, встревоженные выстрелом, беспокоились. Конюхи старались их сдержать.

Прижавшись к шее кобылки, не обращая внимания на то, что черная грива хлещет ее по щекам, Прис мчалась напрямик через Пустошь. Мужчина преследовал ее.

Харкнесс. Он выглядел как сам дьявол и имел характер под стать.

Сердце Прис, казалось, вот-вот выскочит из груди; сглотнув комок, она понукала лошадь. Кобылка была молодая и резвая, но Прис уже много лет не скакала так быстро, так бесшабашно и отчаянно. К сожалению, Харкнесс не отставал. Его лошадь была выносливее, а Пустошь казалась бескрайней.

Глядя вперед, Прис пыталась заставить себя успокоиться, придумать выход. Она не может перегнать Харкнесса. Но может скрыться. Где-то на Пустоши, поросшей травой, и без единого дерева, за которым можно бы спрятаться.

Недаром она изучала карту. И сейчас в памяти всплыли очертания поросшего лесом поместья, граничившего с Пустошью на юго-востоке. Хиллгейт-Энд. Дом Кэктона.

Это спасение. Ни в коем случае нельзя, чтобы Харкнесс поймал ее!

Послушная кобылка свернула на юго-восток и пустилась галопом. Прис, снова оглянувшись, увидела Харкнесса уже совсем близко. До нее донеслись его проклятия.

Девушка продолжала подгонять кобылу. Вскоре перед ней выросла стена деревьев. Она поскакала вдоль леса, отыскивая подходящую тропинку. И наконец нашла то, что искала: проход среди зарослей. Прис была уже ярдах в пятидесяти от полосы утопанной земли, когда из леса появился всадник, загородивший дорогу к спасению. Они мгновенно узнали друг друга.

Выругавшись, Прис снова повернула кобылку в сторону Пустоши. К сожалению, Харкнесс был уже совсем близко. Отчаянно подгоняя лошадь, она гадала, сколько та еще вытерпит.

Грохот копыт, раздавшийся справа, напомнил о том, что к первому преследователю присоединился второй.

Если он настигнет ее и они остановятся, рискнет ли Харкнесс выстрелить?

У нее не было времени принять решение: вороной поравнялся с кобылкой, подобрался ближе, рванулся вперед и повел кобылу... к Харкнессу.

Диллон поставил Соломона рядом с кобылой, посмотрел на Прис и нахмурился. Ему явно не понравилось увиденное.

Девушка отчаянно втягивала в себя воздух, грудь судорожно поднималась и опускалась под тонкой мужской курткой. Волосы выбились из-под шляпы и тяжелыми прядями свалились на плечи.

– Какого дьявола тут происходит?

Ее взгляд, устремленный куда-то мимо плеча, скользнул по его лицу.

– Н-ничего, – пробормотала она. Диллон раздраженно нахмурился, и она поспешно поправилась: – Я поехала прогуляться. Просто... прогуляться.

– Вы всегда так скачете, словно за вами гонится сам сатана?

Она сняла шляпу и вытерла рукавом потный лоб.

– Моя кобылка застоялась. Она любит быструю езду.

У него на языке вертелся уничтожающий ответ, но тут он увидел... И кровь застыла в жилах.

Протянув руку, он взял у нее шляпу.

Прис вскинула голову и, поджав губы, попыталась ее вырвать. Но Диллон ловко увернулся и заставил вороного отступить на шаг.

– В чем дело... – начала было она, но осеклась.

Диллон поднес шляпу к носу и понюхал, после чего вновь взглянул на Прис. Та поднесла руку к горлу. Выражение лица, лишенное даже тончайшего налета обычной светской учтивости... пугало.

Продолжая смотреть на нее, он медленно поднял шляпу и наклонил ее, чтобы девушка смогла лучше разглядеть поля.

Он коснулся тульи длинным пальцем, привлекая ее внимание к дыре.

Прис затрясло. Значит, выстрел Харкнесса почти попал в цель...

В глазах неожиданно потемнело. Диллон выругался и подвел коня ближе.

И тут до них донесся конский топот. Оба оглянулись.

Утреннее солнце развеяло туман; Харкнесс успел взобраться на холм в сотне ярдов от них.

Увидев, что они смотрят на него, он развернул коня... помчался назад, откуда явился, и вскоре исчез из виду.

– Кто он? – прищурившись, процедил Диллон. В голосе прозвучала неприкрытая злоба.

– Н-не знаю, – пробормотала она, опуская голову.

– Он стрелял в тебя. Почему?

– Не знаю, – повторила она.

Харкнесс принял ее за Расу. Он тоже ждал, следуя тем же самым логическим выводам, что и она сама.

Судя по физиономии Диллона, тот прекрасно понимал, что у нее имеются ответы на оба вопроса.

Понял ли Харкнесс свою ошибку? Волосы упали из-под шляпы, только когда она остановилась. Харкнесс вряд ли это увидел: одетая в мужской костюм, она действительно походила на Расу. И Харкнесс ожидал, что он будет здесь. Да-да... Он принял ее за Расу...

Прис обернулась к Диллону. Она знала репутацию Харкнесса: дурной, готовый на все человек. Почему же он так быстро поджал хвост, вместо того чтобы продолжать гнаться за предполагаемым Расом?

Она перевела взгляд на вороного. Поразительный экземпляр, невероятно грациозный и без единого белого пятнышка.

– Вы часто на нем ездите?

– Да, – обронил Диллон.

– Значит, его хорошо знают в городе?

Он не ответил, но, немного помолчав, спросил:

– Хотите сказать, что этот человек узнал меня из-за Соломона?

Пожалуй, единственное правдоподобное объяснение поспешного бегства Харкнесса. Прис пожала плечами, подалась вперед и выхватила у него шляпу. Диллон сначала инстинктивно сжал пальцы, но тут же уступил ей. Она быстро свернула волосы в узел и нахлобучила шляпу на лоб. Результат был не слишком удовлетворительным, но Прис, собрав повода, вежливо наклонила голову:

– Доброго дня, мистер Кэкстон.

– Диллон, – поправил он. – И я провожу вас до дома.

Она резко вскинула подбородок, но он, не обращая внимания, поставил Соломона рядом с уставшей кобылкой.

– Благодарю, но это совсем не обязательно.

– И тем не менее, – начал он и не удержался, чтобы не добавить: – По-моему, с вас хватит приключений на сегодня.

Она промолчала, хотя он предпочел бы получить резкий отпор. Его так и подмывало уколоть ее, чтобы подстегнуть знаменитый ирландский нрав. Но сознание, что ему требуется предлог, чтобы наброситься на нее, высвободить мучительную, неотступную потребность действовать, спорить и одержать победу, удерживало его от опрометчивого шага.

Такого с ним раньше не бывало. Почему именно она так легко пробудила в нем столько противоречивых эмоций?

Нет, он просто обязан отсечь все примитивные порывы, которые наверняка будут встречены надменной холодностью.

Стиснув зубы, он посмотрел на нее, но тут же отвернулся. Доверие... ее доверие. Вот, что ему необходимо. Как только он узнает ее тайны, останется достаточно времени, чтобы познакомить ее с другой стороной его характера.

Прис, ехавшая рядом, отлично видела, с каким усилием он сдерживается. Но под гневом таился знакомый жар, ее так и подмывало спровоцировать его на вспышку, вступить в словесную баталию... Однако она слишком устала и измучилась, чтобы совершить подобную глупость именно сейчас.

Харкнесс выстрелил в нее, приняв за Расу, и лишь чудом не убил. С каждой милей осознание этого росло и застывало в душе ледяной глыбой.

Кобылка шагала все медленнее, и вороной быстро приноровился к новому темпу: конь был прекрасно вышколен. Как истинный джентльмен, он спокойно шел рядом с уставшей дамой. Словно оберегал ее.

Совсем как его хозяин.

От осознания этого стало еще холоднее. Она просто не может позволить себе положиться на Диллона Кэкстона. Ни сейчас, ни, возможно, вообще никогда. Неизвестно, можно ли ему доверять. События сегодняшнего утра яснее ясного доказывали, какая опасность грозит Расу. Брат попал в беду.

Она дрожала, как в ознобе, безуспешно стараясь не подавать виду. Только еще больше сгорбилась и прижала руки к телу.

Рядом снова послышалось приглушенное проклятие. Диллон шевельнулся в седле, и, прежде чем у нее хватило сил взглянуть в его сторону, тепло окутало ее плечи. И сразу стало немного лучше.

Но она на мгновение застыла и вскинула голову, хотя пальцы жадно вцепились в его куртку.

– Ради Бога, хотя бы сейчас не спорьте!

Она бросила на него суровый взгляд. Но он как ни в чем не бывало покачал головой:

– До чего же несговорчивая женщина!

Ее губы дрогнули, но она промолчала, продолжая кутаться в куртку, наслаждаясь теплом. И только несколько минут спустя наклонила голову и хрипло выдавила:

– Спасибо.

Лошади продолжали шагать вперед. Лед внутри Прис медленно таял.

По безмолвному соглашению они выбрали окружной путь: не стоит, чтобы знакомые узрели ее в таком виде. К тому времени как они добрались до дома Кэрисбруков и остановились у конюшни, девушка уже пришла в себя и обрела привычную твердость духа.

– Еще раз спасибо, – повторила она, протягивая ему куртку. Ответом послужил мрачный взгляд. Диллон взял куртку и стал неспешно натягивать. Девушка отвела глаза от завораживающего зрелища стальных мышц груди, перекатывавшихся под тонким батистом рубашки.

Ему следовало бы вытатуировать на лбу запрет любоваться подобными вещами.

Диллон поудобнее устроился в седле и потянулся за поводьями. Прис подняла голову.

– До встречи, мистер... то есть Диллон, – улыбнулась она.

Ответной улыбки она не дождалась.

– Когда вы соберетесь сказать мне правду? – неожиданно спросил он, тихо, с чувственной хрипотцой.

– Когда вы соберетесь рассказать мне то, что я хочу узнать? – парировала она. Оказавшиеся по разную сторону баррикад, они были непримиримы.

– Присцилла, вы играете в очень опасную игру, – бесстрастно заметил он, и в душе у нее что-то дрогнуло. Но упрямство и своеволие взяли верх. Слегка подхлестнув кобылку, она направилась к конюшне. И оглянулась только затем, чтобы многозначительно бросить:

– До новой встречи... Диллон.

Глава 7

– Ты твердо уверен?

Сидевший в кабинете Деймона Диллон не знал, что и думать.

Барнаби вернулся из Лондона в начале дня, нашел друга за работой и потащил его к Кинстерам, чтобы заодно сообщить о своих открытиях Деймону и Флик.

По привычке примостившийся на сиденье-подоконнике Барнаби кивнул:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.